4 32 649
B I

КРАСНОДАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. 15-летия ВЛКСМ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

232
649

А. Е. БЕСКРОВНЫЙ

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ ПО СИНТАКСИСУ РУССКОГО ЯЗЫКА

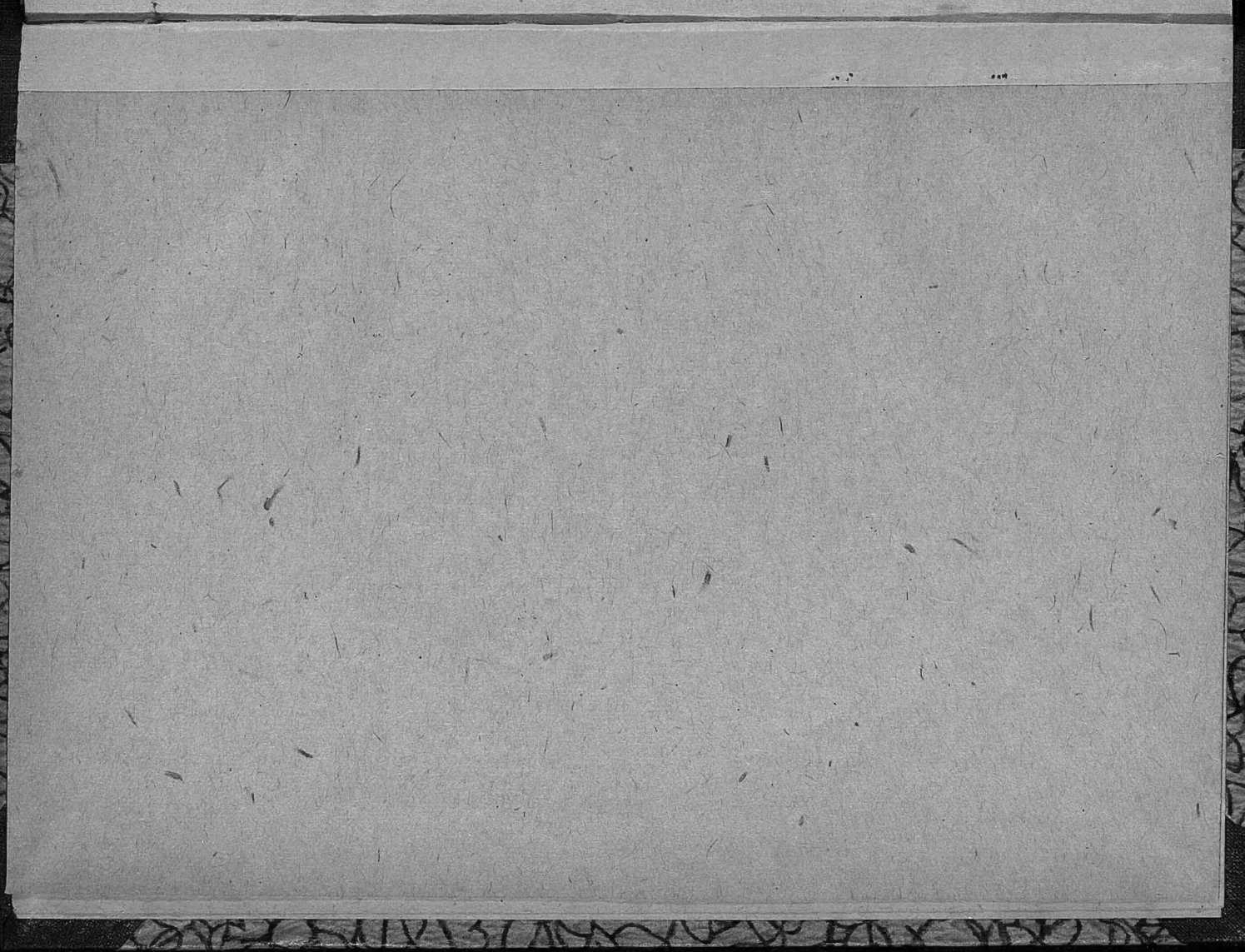
ВЫПУСК I

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ПРЕДЛОЖЕНИИ И СЛОВОСОЧЕТАНИИ
ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ДВУХСОСТАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

216/1

Обязательный
экземпляр

КРАСНОДАР
1940



232
649

КРАСНОДАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. 15-летия ВЛКСМ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

А. Е. БЕСКРОВНЫЙ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
650917

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ ПО СИНТАКСИСУ РУССКОГО ЯЗЫКА

ВЫПУСК I

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ПРЕДЛОЖЕНИИ И СЛОВОСОЧЕТАНИИ
ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ДВУХСОСТАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

КРАСНОДАР
1940

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Отв. редактор проф. *В. И. Рахинский.*
Члены: *Г. М. Азамат,*
Д. Н. Таненбаум,
В. А. Глазьев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редактора . . . . . 3—4

Предмет синтаксиса . . . . . 5—8

Общие сведения о предложении . . . . . 8—28

Понятие о предложении (8) Типы предложений по их целевой установке (16). Типы интонации (24).

Словосочетание . . . . . 28—41

Понятие о словосочетании (28). Предикативные и непредикативные словосочетания (29) Полупредикативные словосочетания (30). Разложимые и неразложимые словосочетания (30). Подчинительные словосочетания: понятие (31); простое подчинение (32); последовательное подчинение (32); соподчинение (33); параллельное соподчинение (33); многостепенное подчинение (34); смешанная зависимость (34); управление (35); согласование (36); примыкание (37). Сочинительные словосочетания (38).

Способы выражения синтаксических отношений . . . 41—49

Грамматические формы: у существительных (42), у прилагательных (42), у спрягаемых глаголов (43), у неспрягаемых глаголов (43). Служебные слова: предлоги (44), союзы (44), глагольные связки (45), личные местоимения (45). Порядок слов (46). Интонация (48). Лексическое значение слов. (49).

Главные члены предложения . . . . . 50—99

Общее понятие о главных членах предложения, подлежащем и сказуемом (50). Выражение подлежащего с помощью существительных (52), количественно-именного сочетания (52), местоимений (53), количественных числительных (56), прилагательных (56), инфинитива (57), других непредметных слов (58).

Простое сказуемое и его выражение (58).

Составное сказуемое (59). Типы глагольных связок: отвлеченные (60), полуотвлеченные (6-), конкретные (63), связки промежуточного типа (65). Выражение присвязочных членов составного сказуемого с помощью: 1) кратких прилагательных (66), полных прилагательных в именительном падеже (68), полных прилагательных в творительном падеже (77), кратких страдательных причастий (78), существительных в именительном падеже (80), существительных в творительном падеже (83), существительных в косвенных падежах с предлогами и в родительном без предлогов (84), наречий (85), сравнительной формы (86), инфинитива (87), действительных причастий (88), полных страдательных причастий (88), деепричастий (88), местоимений и числительных (89), неполных слов (89). Многоэлементные составные сказуемые (90). Сказуемое, выраженное двумя полнозначными глаголами (99).

Список принятых сокращений 100

ОТ РЕДАКТОРА

По курсу современного русского языка для факультетов языка и литературы педагогических и учительских институтов за последнее время изданы (и переизданы) ценные пособия А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского. Пособия эти необходимы для самостоятельной работы студентов по курсу. Они дают возможность поднять преподавание этой ответственной дисциплины на должную высоту.

Но до сих пор нет учебника по современному русскому языку, составленного по программе факультетов языка и литературы. Следовательно, до сих пор студент должен опираться на свой конспект лекций по современному русскому языку, особенно в период непосредственной подготовки к экзаменам, когда нет уже времени подробно разбираться в пособиях. Этот конспект должен давать связное систематическое изложение всего программного материала.

Современный русский язык с 1938 года перенесен по учебному плану на 1-й курс (педагогического и учительского института). Его слушают, таким образом, студенты, только что вступившие в институт, не освоившиеся еще с новой для них организацией работы, не подготовленные к конспектированию лекций в таком широком размере.

Следует учесть и то, что в новом учебном плане (1940 года) делается попытка ликвидировать спец. курс по современному русскому языку, читавшийся до сих пор на старших курсах. Таким образом, на 1-м курсе студенты получают подробное изложение всей системы русского языка, один из самых ответственных и необходимых для будущей работы в средней школе курсов и более к этому курсу уже не будут возвращаться в своей учебной работе (до гос. экзаменов).

Ясно, что необходимо всемерно облегчить студентам 1-го курса четкое, полное усвоение лекций по современному русскому языку.

„Конспект лекций по синтаксису русского языка" доц. А. Е. Бескровного и ставит себе цель—максимально помочь студентам, дать им в руки проверенный, авторитетный конспект, расширив его рамки почти до размеров краткого учебника.

В „Конспекте" использована вся, указанная в программе, научная литература, но автор выходит за ее пределы: он использовал и свою научно-исследовательскую работу (см. отдел о полупредикативности, о предикативности полных прилагательных); в конспекте найдутся и новые в полном смысле положения и выводы (особенно вопрос о многоэлементном составном сказуемом).

Это делает „Конспект" А. Е. Бескровного ценным не только для студентов, но и для всех, окончивших уже факультет языка и литературы, работающих не только над воспитанием молодого поколения, но и над пополнением своих знаний.

Ясно, что издание „Конспекта" А. Е. Бескровного не снимает со студентов работы по конспектированию лекций; наоборот, этот конспект в руках студентов 1-го курса является действительной практической помощью и в вопросе овладения техникой конспектирования: как записывать лекцию, выделяя из нее все необходимое и существенное, в этом студент разберется, сравнивая конспект с лекцией.

Повторные просьбы студентов, слушавших уже курс современного русского языка в последние годы, побудили А. Е. Бескровного издать этот „Конспект". Издается пока только 1-й выпуск, но будем надеяться, что в ближайшее время удастся закончить весь конспект по русскому синтаксису.

Проф. В. И. Рахинский.

ПРЕДМЕТ СИНТАКСИСА

Слово синтаксис происходит от греческого syn — вместе и taxis — порядок; греческое Syntaxis буквально значит составление, совместный порядок. Уже сам термин если и не определяет своего содержания, то по крайней мере хотя косвенно указывает на него. Синтаксис — это важнейший отдел грамматики, занимающийся изучением смысловой и грамматической структуры предложения, т. е. такой речевой единицы, которая составлена из каких-то упорядоченных по отношению друг к другу элементов. В этом отношении синтаксис может быть противопоставлен морфологии, занимающейся изучением смысловой и грамматической структуры слова. Если „морфология представляет, так сказать, инвентарь отдельных категорий слов и их форм", то „синтаксис показывает все эти слова и формы в их движении и жизни — в предложении".[1]

Отдельные слова, если они сами не являются предложениями, и тем более грамматические категории и формы, составляющие предмет морфологии, вне предложения представляют собой в известном смысле искусственные препараты. Выделение этих языковых фактов в особый отдел диктуется главным образом соображениями методического порядка. Только в предложении все слова, грамматические категории и грамматические формы, выполняя строго определенные синтаксические функции, принимая то или иное участие в выражении мысли и ее тончайших оттенков, получают жизнь, движение, развитие. Они как бы одухотворяются тем гармоническим целым, которое мы называем предложением. Определить, напр., значение и грамматическую форму таких слов, как печь, знать, сечь, течь и т. п., вне предложения не представляется возможным, в то время как в любом предложении их значение и форма будут достаточно прозрачны. Ср., напр., затопи печь и ты будешь печь хлеб.

---

[1] Проф. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М. 1935. Стр. 207.

То же можно сказать хотя бы о падежных формах существительных. Творительный падеж, напр., вне предложения в сущности ничего не значит, и только в предложении он может получать конкретное значение. Ср. рубить топором — творительный орудия действия, шел полем, лесом — творительный пути, летел стрелою — творительный сравнения, обернулся соколом — творительный превращения и т. д. Сама морфема *-ом* (*-ем*), которая может быть предметом морфологии, получает истинное значение только в предложении, выражая синтаксические отношения между строго определенными словами.

Синтаксис не является совершенно самостоятельным отделом грамматики, не связанным с другими ее отделами. Наоборот, он теснейшим образом связан и с морфологией и с фонетикой, ибо явления синтаксического порядка часто переплетаются с морфологическими и фонетическими явлениями. Одно и то же языковое явление может иногда рассматриваться одновременно с трех точек зрения: синтаксической, морфологической и фонетической. Так, напр., флексии творит. пад. существительных 1-го скл. *-ою — -ею, -ой — -ей* могут быть предметом изучения всех трех отделов грамматики.

Таким образом, изучая то или иное языковое явление в синтаксисе, мы неизбежно должны обращаться и к другим отделам грамматики. В самом деле, можно ли изучать, скажем, второстепенные члены предложения, не зная частей речи — морфологических категорий? Можно ли изучать логическое ударение, которое, кстати сказать, может иногда иметь решающее значение в выражении синтаксических отношений, не зная его фонетической природы, не зная сущности этого явления.

Из сказанного следует, что в предложении, и только в нем, реализуются все слова, грамматические категории, грамматические формы и отдельные звуки. Больше того, все они выводятся из предложения. Еще Буслаев заметил, что „мы не имеем никаких исторических свидетельств, на которых могли бы основать предположение о том, что люди сначала пользовались только отдельными членораздельными звуками, потом сложили их в слоги, а слоги в слова, и наконец связали слова в стройное целое для выражения мысли. Напротив того, из истории всякого языка убеждаемся, что первоначальная форма, в которой выразился дар слова, есть уже целое предложение: что совершенно согласно с существенным назначением дара слова передавать мысли членораздельными звуками; ибо только в целом предложении мысль может быть выражена. Потому образование как частей речи, так и изменение их основывается на законах синтаксических, ибо совершается по требованию мысли: следовательно, только в предложении получают свое значение от-

дельные слова и их окончания и приставки. Таким образом, и членораздельные звуки, сложившиеся в слова, и каждое отдельное слово суть не что иное, как живые члены целого живого состава, именуемого предложением".[1] То же находим и у акад. Шахматова: „В результате расчленения предложения из него выделялись словосочетания, далее части речи, затем грамматические формы, сочетания звуков и отдельные звуки, наконец слова и словообразовательные суффиксы".[2] Правда, явление расчленения предложения автор слишком схематизирует, но в общем он правильно подходит к решению вопроса.

Поэтому изучить грамматическую структуру предложения — это значит изучить грамматическую структуру всего языка в целом. Иметь представление об особенностях строения, скажем, адыгейского предложения — это значит иметь представление о грамматической структуре адыгейского языка, знать структуру русского предложения — следовательно, разбираться в структуре русского языка вообще.

Вот почему синтаксис является основным, ведущим отделом грамматики, и изучение ее следовало бы начинать с синтаксиса, что и предлагают, и совершенно не случайно, некоторые ученые. Так, например, по мнению Шахматова, „учение о языке могло бы, начинаясь с синтаксиса предложения, переходить последовательно к синтаксису словосочетаний, синтаксису частей речи, учению о грамматических формах, учению о звукак, учению о словообразовании и учению о словарном составе. Первые три дисциплины объединяются термином — синтаксис, за ним следует морфология, далее фонетика, учение о словообразовании и лексикология".[3] И только сложность изучения языковых явлений, а отчасти и традиция заставляют нас располагать материал в порядке увеличивающейся трудности изучения его: сначала изучается фонетика, затем морфология и, наконец, синтаксис.

Синтаксис, как и морфология и фонетика, связан и с одним из отделов лексикологии — семасиологией. Ведь 1) слово получает вполне точное значение только в предложении, а это не может не сказываться на смысловой и грамматической структуре предложения в целом; 2) изменение значения слова осуществляется только в связной речи; 3) лексическое значение слова может приобретать иногда значение синтаксическое. Так, напр., слово, пила может получить точное значение только в предложении; ср. пила заржавела и лошадь пила воду. Из этих при-

[1] Историческая грамматика русского языка. Этимология. Москва. 1868. Стр. 1—2.

[2] Синтаксис русского языка, вып. II. Учение о частях речи. Ленинград. 1927. Стр. 195.

[3] ibid.

меров, кроме того, видно, что лексическое значение слова сказывается на грамматической связи и функции слов в предложении. В первом предложении п и л а — подлежащее, с ним согласуется сказуемое з а р ж а в е л а, во втором п и л а — сказуемое, и оно согласуется с подлежащим л о ш а д ь. Слово у д а р н и к, которое когда-то употреблялось только в значении технического придатка, изменило свое значение только в связной речи (ср. у д а р н и к, напр., в винтовке и у д а р н и к социалистических полей). В предложении, например, г о р ш о к р а з б и л к о т е л лексическое значение слов г о р ш о к и к о т е л помогает нам установить синтаксические отношения между его членами: подлежащее к о т е л (производитель действия), с ним согласуется сказуемое р а з б и л, от сказуемого зависит слово г о р ш о к, выступающее в роли прямого дополнения. Другие синтаксические отношения здесь невозможны, так как трудно себе представить слово г о р ш о к в роли производителя действия, а слово к о т е л в роли его объекта, хотя порядок слов и указывает на обратное.

Таков в общих чертах предмет синтаксиса. Таковы взаимоотношения его с фонетикой, морфологией и семасиологией.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕДЛОЖЕНИИ

Понятие о предложении.

В буржуазной лингвистике не существует единого определения предложения. Одни ученые определяют предложение, как „логическое суждение, выраженное словами", другие — как „психологическое суждение, выраженное словами", третьи — как „именительный падеж существительного + согласованный с ним глагол", четвертые — как „сообщение" и т. д. Это определяется тем, к какому грамматическому направлению принадлежит тот или иной ученый. Здесь нет необходимости останавливаться на всех определениях, поскольку это должно найти свое место в специальном отделе вузовского курса современного русского языка, называемом „Основные вопросы русской грамматики в освещении различных грамматических направлений".

Советская лингвистика при определении предложения должна исходить из основных положений марксистско-ленинской методологии языкознания. Она должна учитывать то, что язык—это такая идеологическая надстройка, которая является средством выражения общественного сознания, что язык — форма, сознание — его содержание, что язык существует в диалектическом единстве с сознанием, что язык — это „практическое, существующее

и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми".[1] Кроме того, необходимо учесть, что язык — важнейшее средство, как подчеркивает В. И. Ленин, человеческого общения.

Все это наша лингвистика должна учитывать потому, что предложение в миниатюре представляет собой грамматическую и семантическую структуру языка в целом, что оно является основной языковой единицей, в которой находят выражение отдельные акты нашего мышления, а следовательно, движение, развитие человеческого сознания.

Наша лингвистика должна учесть и те замечательные высказывания В. И. Ленина, которые специально касаются предложения: „Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики). Начать с самого простого, обычного, массовидного etc.,*с предложения любого:* листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) *есть диалектика: отдельное есть общее...* Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого *рода* отдельными (вещами, явлениями, процессами). И т. д. *Уже здесь* есть элементы, зачатки, понятия *необходимости*, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, *это* есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков, как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому.

Таким образом, в *любом* предложении можно (и должно), как в „ячейке" („клеточке"), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика".[2]

Таким образом, исходя из основных положений марксистско-ленинской методологии языкознания, в частности из высказыва-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, IV, 1933, стр. 20 21.
[2] В. И. Ленин. Философские тетради. М. 1936. Стр. 326—327.

ний В. И. Ленина о предложении, мы можем сказать, что предложение следует рассматривать как такую единицу речи-мышления, которая существует в диалектическом единстве составляющих его элементов, в единстве частного и общего, в единстве противоположностей.

Таков в общем должен быть методологический подход к вопросу о предложении.

Безусловно, сразу показать все элементы диалектики в одном-двух предложениях, тем более в их только современном статическом состоянии, не представляется возможным. Это можно проследить лишь на протяжении всего курса при тщательном изучении отдельных элементов предложения в их взаимосвязи и взаимодействии, начиная с главных членов и кончая второстепенными.

Всестороннее изучение предложения требует от нас исторического к нему подхода, ибо предложение есть историческая категория. Оно вместе с человеческим сознанием возникает, развивается, меняет свои формы. Оно проходит все стадии своего развития, начиная со слов-предложений, которые соответствовали в первобытном обществе диффузному, недифференцированному человеческому сознанию, и кончая сложными предложениями и периодами, которые соответствуют современному состоянию общественного сознания. В развитии предложения находит свое отражение развитие грамматической структуры данного языка, отражающей спецификум общественного сознания каждой данной исторической эпохи.[1]

Совершенно не случайно поэтому известный талантливый русский лингвист А. Потебня писал, что „из основного взгляда на язык, как на изменчивый орган мысли, следует, что история языка, взятого на значительном протяжении времени, должна давать ряд определений предложения".[2]

Вопрос об историческом развитии русского предложения—это специальный вопрос, которому могут (и должны) быть посвящены специальные работы и который далеко выходит за пределы курса современного русского языка. В соответствии с задачами этого курса, мы рассмотрим русское предложение в его современном состоянии.

Определить предложение в одной какой-либо формулировке, вроде „предложение — это слово или группа слов, выражающих

---

[1] О развитии предложения см., между прочим, недавно вышедшую работу проф. М. В. Беляева „Проблема грамматики". Ученые записки Сталинградского государственного педагогического института. Сталинград, 1939.

[2] Из записок по русской грамматике. I. Введение. II. Составные члены предложения и их замены. Изд. 2-е. Харьков. 1888. Стр. 77.

законченную мысль", и этим ограничиться — это легче всего. Целесообразнее определить предложение описательным путем, т. е. путем перечисления его наиболее характерных признаков, таких признаков, без которых не может быть и самого предложения. Конечно, голый перечень их также мало целесообразен, как и общая голая формулировка определения предложения. В каждом признаке необходимо наглядно показать одну из сторон жизни предложения, этой сложнейшей единицы нашей речи.

Такой перечень и характеристика основных черт предложения современного языка, конечно, в известной мере будут касаться и предложения, „взятого на значительном протяжении времени", потому что наше „внимание останавливается преимущественно на таких чертах предложения, которые в течение веков и тысячелетий кажутся неизменными".[1]

Первым и самым основным и существенным признаком предложения является предикативность, или сказуемость. Предикативность, в существе своем, — понятие психологическое, и поэтому трудно поддается определению с грамматической точки зрения. Тем не менее предикативность — настолько существенный признак предложения, что мы не можем отказаться от его определения с грамматической точки зрения.

Предикативность грамматически можно определить как свойство языка с помощью специальных грамматических форм выражать отдельные законченные акты нашего мышления. „Предикативность, — говорит Пешковский, — это грамматическая категория, и притом важнейшая из категорий, так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью".[2] Правда, это определение несколько механистично, но в общем оно правильно отражает сущность явления. Действительно, наша мысль может быть выражена только тогда, когда мы употребим слово, обладающее предикативностью, т. е. слово, способное выражать не просто отдельные изолированные понятия или представления, а понятия или представления, вступающие в строго определенные отношения с другими понятиями или представлениями. Такие отношения и создают ту речевую единицу, которую мы называем предложением. В самом деле, слова „и сегодня" не выражают мысли, потому что ни одно из них не обладает предикативностью. По той же причине мысль не будет выражена и после присоединения слов „как прежде".[3] Мы не выразим мысли и словосочетанием „и сегодня, как прежде сердце", а также слово-

---

[1] А. Потебня, ibid. 77.
[2] Русский синтаксис в научном освещении. М. 1934 г., стр. 149.
[3] Если не подразумевать пропуск глагола (предицирующего слова).

сочетанием „и сегодня, как прежде, сердце боевым огнем", потому что здесь нет предикативных слов. Но в словосочетании

И сегодня, как прежде, сердце
Пылает боевым огнем (А. Жар.)

мысль полностью выражена, потому что мы употребили специально предикативную грамматическую форму „пылает".

Но в чем же заключается сущность явления предицирования? Она заключается в том, что предикативное слово выражает какое-либо утверждение по поводу того, что выражено другим словом, с которым оно связано. В предложении „сердце пылает" предикативное слово „пылает" выражает утверждение о том, что предмет (с е р д ц е) как бы производит известное действие. В предложении „жизнь хороша" с помощью предикативного слова мы утверждаем, что жизни свойствен определенный признак.

Предицирование всегда сопровождается смысловым и (обычно) интонационным членением двух элементов (слов или их сочетаний)[1] и соединением их в одно синтаксическое целое, называемое предложением. В словосочетании, например, „зеленая трава" отсутствует предицирование, отсутствует и членение (а следовательно и соединение): два слова выражают одно, хотя и сложное, представление. В словосочетании же „трава зелена", где наличествует предицирование, мы наблюдаем смысловое и интонационное членение (а следовательно и соединение) двух элементов. Графически это можно представить следующим образом:

Трава // зелена.

Здесь уже не одно представление, а два, каждое из которых ярко выделяется в нашем сознании: с одной стороны, представление о предмете, с другой, представление о его признаке. Но расчленение нисколько не приводит к абсолютному разъединению двух слов. Напротив, только благодаря расчленению и возможен путь к соединению их в одну синтаксическую единицу — предложение. Ведь признак, выраженный словом „зелена", мы и отделяем от предмета для того, чтобы приписать, адресовать его предмету („трава"). Предмет в таком случае является адресатом, признак — адресуемым. Ничего подобного мы не наблюдаем в словосочетании „зеленая трава", где признак не отделяется от предмета.

Таким образом, расчленение и соединение определяют существование целого (предложения) в его составных элементах и,

[1] Имеются в виду двухсоставные предложения.

наоборот, существование отдельных элементов в сложном синтаксическом целом. Расчленение и соединение, а следовательно, непредикативное и предикативное слово — это противоположные, противоречивые моменты, тем не менее противоречие здесь диалектическое. Рассмотренные примеры такого же типа, как „Иван есть человек, Жучка есть собака, *это* есть лист дерева и т. д.“, где „мы *отбрасыв ем* ряд признаков, как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому“ (Ленин).[1]

Явление предицирования лежит в основе школьного определения предложения как слова или группы слов, выражающих законченную мысль. Действительно, мысль может быть выражена только тогда, когда мы употребим слово, способное предицировать, утверждать.

Какие же слова обладают свойством предикативности?

Отвечая на этот вопрос, мы должны иметь в виду, что все слова русского языка в этом отношении делятся на две группы. Одни из них имеют специальную предикативную грамматическую (точнее, морфологическую) форму, и этой особой формой они и выражают предикативность; другие — не имеют такой формы, однако, при наличии дополнительных средств, они все же могут выражать предикативность. К первой группе мы должны отнести глаголы в спрягаемой форме, краткие прилагательные и местоимения, краткие страдательные причастия, предикативные наречия типа ж а л ь, н е л ь з я, м о ж н о и т. п., слова е с т ь, н е т, н а (в значении „возьми“); к последнему слову примыкают и такие слова, как в о н (в значении „уйди“), п р ы г, х л о п и нек. др. Все остальные слова (существительные, полные прилагательные и т. д.) относятся ко второй группе. Предикативность они могут выражать только в соединении с глагольной связкой или же в соединении с особой интонацией. Кроме того эти слова могут выражать предикативность при наличии и других вспомогательных средств: порядка слов, логического ударения, особых усилительных слов и т. п.[2]

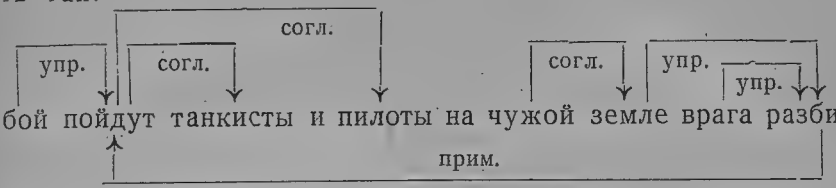
В т о р о й п р и з н а к: о т д е л ь н ы е с л о в а, в х о д я щ и е в с о с т а в п р е д л о ж е н и я, с в я з а н ы м е ж д у с о б о й и п о с м ы с л у и г р а м м а т и ч е с к и. Они, следовательно, представляют собой смысловое и грамматическое единство. Не может быть в предложении ни одного слова, которое не было бы так или иначе связано с другим каким-либо словом и не принимало бы участия в образовании того смыслового и грамматического единства, которое мы называем предложением. Смысловую и

---

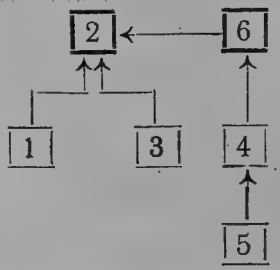
[1] Цитированное место из „Философских тетрадей“, см. стр. 9.

[2] См. об этом ниже.

грамматическую связь между отдельными словами в таком предложении, как „В бой пойдут танкисты и пилоты на чужой земле врага разбить“ графически можно изобразить так:



Третий признак: центрами, организующими предложение, являются подлежащее (субъект) и сказуемое (предикат). Этот признак прямо и непосредственно определяется первым. Ведь предикативная связь осуществляется только между главными членами предложения — подлежащим и сказуемым. Подлежащее и сказуемое, следовательно,— это основное, исходное и важнейшее образование, без которого не может быть предложения. Все остальные, второстепенные члены предложения находятся, так сказать, в подчиненном положении по отношению к подлежащему и сказуемому. Это подчиненное положение находит свое выражение в смысловой и грамматической связи второстепенных членов с главными. Все второстепенные члены предложения располагаются или вокруг подлежащего, или вокруг сказуемого. Не может быть ни одного второстепенного члена, который не был бы так или иначе, непосредственно или посредством других слов, связан с тем или иным главным членом предложения. Наглядно это можно показать хотя бы на таком примере: И долгий поцелуй разлуки союз любви запечатлел (П.). Обозначив слова цифрами в таком порядке, в каком они расположены здесь, составим схему этого предложения, выделив главные его члены и обозначив связь с ними второстепенных членов.



Таким образом, подлежащее и сказуемое являются структурным ядром, организующим все слова в одно синтаксическое целое, называемое предложением.

Четвертый признак: смысловой законченности и смысловому единству предложения соответствует и его интонационная законченность, или интонационное единство. Следовательно, там, где есть смысловая законченность, обязательно должна быть и интонационная законченность, и наоборот, где отсутствует смысловая законченность, там не может быть и речи и законченности интонационной. Отсюда — вывод, что законченность интонации является одним из существенных признаков, поскольку предложение характеризуется смысловой законченностью. Это можно показать на примере:

Весна // прекрасная.

Предложение это имеет смысловую законченность, и поэтому оно облекается в определенную законченную интонационную форму. Ср.

Весна прекрасная (настала).

Здесь то же сочетание слов не является предложением, следовательно, в нем отсутствует смысловая законченность, и поэтому интонация будет иметь незаконченный вид.

Но в чем же состоит единство интонации и каковы наиболее характерные признаки этого единства? Чем, следовательно, достигается интонационное единство?

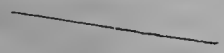
Можно согласиться с М. Н. Петерсоном, что „интонационное единство предложения достигается тем, что оно имеет одну интонационную вершину и одну конечную интонацию", причем „конечная интонация может быть понижающейся и повышающейся". Далее — „в последнем случае интонационная вершина и конечная интонация могут совпадать".[1]

Это можно иллюстрировать следующими примерами:

интон. вершина

Пришел поезд. конечн. интон. (понижающаяся)

интон. вершина



Пришел поезд? конечн. интон. (понижающаяся)

конечн. интон. (повышающаяся) и интон. верш. (совпадают)

Пришел поезд! (?)

[1] М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка. М.—Л. Стр. 126—127.

Сказанное следует дополнить: внутри предложения может быть несколько интонационных вершин. В таком случае „единство достигается однообразием интонации и конечной интонацией".[1] Один пример:

Замолкнул гром, шуметь гроза устала, светлеют небеса (А. К. Т.)

Действительно, интонация здесь однообразна, и это однообразие, а также и наличие конечной интонации и являются характерными признаками интонационного единства в предложениях такого типа.

Последний признак: предложение — это „отдельное *сообщение*, обособленное в своем содержании и в своей грамматической форме".[2] „В языке только предложение определенно значимо, как средство сообщения и понимания, только оно полнозначно и единозначно".[3] Это определяется понятием языка как орудия социального общения. Мысль выражается в языке, в частности в его основном, исходном образовании — предложении — для того, чтобы передать, сообщить ее другим. Она находит свое выражение в языковых формах только потому, что должна быть реализована в процессе социального общения людей, и простейшей языковой формой реализации ее является предложение.

Типы предложений по их целевой установке.

Каждый раз говорящий или пишущий, реализуя свою мысль в отдельных предложениях, ставит перед собой какую-либо конкретную цель. С помощью одних предложений он утверждает что-либо, или повествует о чем-нибудь, с помощью других он побуждает слушающего совершить тот или иной поступок и т. д. Соответственно этому все предложения можно поделить на отдельные типы.

Первый тип. Повествовательные предложения. С помощью этих предложений мы сообщаем своему собеседнику суждения по поводу тех или иных явлений окружающей нас жизни. К этому и сводится их целевая установка. Повествовательные предложения — это, так сказать, язык чистой мысли, это то, что некоторые лингвисты называют интеллектуальным

[1] ibid.
[2] Проф. М. В. Беляев. Проблема грамматики. Стр. 81.
[3] Он же, ibid.

языком. Выражая только суждения, они указывают на то, что говорящий исключительно объективно относится к тем явлениям, о которых он говорит. Его личные отношения к ним, которые могут проявляться в выражении восторга, радости, отвращения и т. п., здесь отсутствуют.

Из таких предложений состоит следующий, напр., отрывок из романа А. Толстого „Петр Первый":

> Дворянские полки уходили вскачь. Ночью они появились под палисадами Нарвского лагеря. Сторожа на валу, в темноте приняв их за врага, открыли стрельбу. Всадники отчаянно кричали...

Повествовательные предложения в научной и вообще деловой речи могут приобретать исключительную сухость, категоричность, академичность. Речь, состоящая их таких предложений, может быть характеризована как речь чистого рассудка, интеллекта:

> Производная данной функции есть предел отношения приращения этой функции к приращению независимого переменного, когда это последнее приращение приближается к нулю как своему пределу[1].

В повествовательных предложениях следует различать утвердительные и отрицательные предложения. И те и другие „материально тождественны, т. е. содержат один и тот же комплекс материальных представлений", но „формально они различны, так как отношения между представлениями в них неодинаковы[2].

Возьмем, наприм, такие предложения: Поезд отходит и Поезд не отходит. Отдельные члены и первого и второго предложения одни и те же, с одним и тем же значением. Предложения эти, следовательно, материально тождественны. Формально же они различны, так как отношения между предметами мысли выражены в них неодинаково. В первом предложении связь между предметами мысли (действием и предметом) утверждается, во втором, наоборот, отрицается. При этом отрицательная связь выражается отрицательной частицей *не*, в то время как утвердительная связь выражается отсутствием *не*.

Отрицательные предложения можно поделить на обще-отрицательные и частно-отрицательные.[3] Обще-отрицатель-

---

[1] В. Грэнвиль и Н. Лузин. Курс диференциального и интегрального исчисления, I. 1938.

[2] А. М. Пешковский. Синтаксис в научном освещении. М. 1934. Стр. 343.

[3] См. А. М. Пешковский, ibid. стр. 344.

ные имеют отрицание при сказуемом, что создает отрицательный смысл всего предложения: завод не работает, птицы не прилетели, гром не гремит. Частно-отрицательные предложения имеют отрицание при другом каком-либо члене предложения. Общий смысл таких предложений будет положительным, в них отрицается только тот член предложения, к которому относится отрицание: не завод работает (а что-то другое), не птицы прилетели (а что-то другое), не гром гремит (а что-то другое). То же и в предложениях: я не газету читаю (а, скажем, журнал), ты будешь не здесь (а где-то в другом месте) и т. д.

Отрицание может быть выражено не только частицей *не*, но и частицей *ни*. Частица *ни* заключает в себе значение частицы *не* и значение союза *и*. Это доказывают хотя бы такие случаи, как „Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и *не* герой". Первые две частицы *ни* можно было бы заменить *и не*: и не бог, и не царь, и не герой. И, наоборот, *и не* можно было бы заменить частицей *ни*: ни бог, ни царь, ни герой. Это подтверждает, что *ни* и *и не* равнозначны, что *ни* = *и* + *не*.

Уже из рассмотренного примера видно, что частица *ни*, в отличие от частицы *не*, имеет не чистое отрицание, а отрицание плюс усиление.

Частицы *не* и *ни* образуют отрицательные слова нет, нельзя, некого, негде, никто, ничто, никакой и т. п., которые тоже придают предложению отрицательное значение. Ср. у меня есть эта книга и у меня нет этой книги, кто-то читал и никто не читал.

Характерной особенностью русского языка, как и вообще славянских языков, в отличие от других языков так наз. индоевропейской системы, является то, что в одном предложении может быть несколько отрицаний: Нигде никогда никому ничего подобного он не говорил.

Нередко в русском языке, как и в других языках, повторение отрицания *не* приводит не к отрицательному, а к утвердительному смыслу: он не может не знать, т. е. он должен знать, ему нечего не знать, т. е. он все знает.[1]

При отрицательном сказуемом обычно вместо винительного ставится родительный падеж существительного. Ср. читал эту книгу и не читал этой книги, написал письмо и не написал письма. Такое употребление род. вм. винит. необязательно. Довольно часто в современном языке вм. род. употребляется вин.[2]

[1] О других разновидностях отрицательных предложений см. Пешковский. Синт., 346—7.

[2] Подробнее о род. и вин. при отрицании см. у Пешковского, стр. 265—6.

Второй тип. Номинативные предложения. Их функция, как само название показывает, исключительно номинативная, т. е. назывная. С помощью номинативных предложений мы уже не выражаем утверждений или суждений по поводу тех или иных явлений, как с помощью предложений предыдущей группы, а только называем эти явления. Несколько примеров.

Прошли длинные, безмолвные улицы, длинные заборы, взрытые тротуары. Тишина. Скука. Жара.

— Держи! Держи! — раздалось вокруг... (Усп.)

Перегоняя, жгли кнутами, — мерин приседал... Гогот, хохот, свист... (А. Т.)

Петр жадно взглянул. Низко опущенное, измученное полудетское личико. Припухший от слез рот. Мягкий носик. (А. Т.)

Душное июльское утро. В воздухе висит зной, от которого клонится лист и покрывается трещиной земля. (Чех.)

Формальным признаком номинативных предложений является наличие в них в качестве главного члена именительного падежа (nominativ'a) существительного. Подробно номинативные предложения должны быть рассмотрены в отделе односоставных предложений.

Третий тип. Побудительные предложения. Они служат для обращения к слушающему с целью побудить его совершить тот или иной поступок. Обращаясь к своему собеседнику, говорящий может иметь в виду просьбу, приказание, повеление, желание, вопрос.

В предложениях этого типа следует различать: а) предложения повелительные, или императивные, и б) предложения вопросительные.

Повелительные, или императивные, предложения, как само название показывает, служат для выражения повеления, просьбы, приказания или желания говорящего.

В соответствии с этим говорящий и побуждает слушающего совершить определенный поступок.

Обычно в повелительных предложениях в роли сказуемого употребляется повелительная форма глагола (в том числе и описательная):

— Боярин велел, — распрягайте. (А. Т.)

— Давай, что ли, — грубо сказал Алешка. (Он же)

— Пусть сильнее грянет буря! (М. Г.)

Однако это не обязательно. Нередко в роли сказуемого употребляется инфинитив:[1]

— Кухню походную д а т ь!— рассудительно гудит сутулый казак. (Ст.)

Может быть использована и условная форма глагола, смягчающая повеление:

Вы б ы з а ш л и, Семен Андреич! (Ст.)

Наконец, может быть использована и форма изъявительного наклонения:

— Сам виноват!—крикнул Василий,—отец выпорет. А сбрую отец новую не справит,— я его выпорю. П о ш е л, не вертись перед конем... (А. Т.).

И, так как Волков продолжал истово глядеть на него с колен, царь загорелся бешеной злобой, ударил его ногой:— Прочь п о ш е л, холоп! (А. Т.)

Довольно часто в повелительных предложениях употребляются особые частицы, придающие им побудительный характер: к а, н у, н у-к а, н у т к а, д а, напр:

Петр глядел совиными глазами.
— Д а й-к а иглу,— сказал нетерпеливо. (А. Т.)
— Никита Моисеевич, з а т в о р и-к а окошко, очень шумят, голова разболелась,— проговорила царица. (Он же)
— Н у к а, потяни его за полу... (Он же)
— Д а п о г о д и ты, куда без штанов, минхерц!.. (Он же)
— Н у, о с т а в ь, мама!— сказал Павел. (М. Г.)

Частица д а в современном русском языке очень часто употребляется в таких предложениях, как Д а з д р а в с т в у е т н а ш а м о г у ч а я с о ц и а л и с т и ч е с к а я р о д и н а.! Д а з д р а в с т в у е т д о б л е с т н а я К р а с н а я а р м и я!

В повелительных предложениях могут употребляться и междометия в значении побудительных слов:

— Э й, кто резвый, сбегайте, поищите Никиту Гладкого... (А. Т.)

---

[1] Предложения с таким сказуемым без подлежащего называются инфинитивными.

Употребление повелительных предложений всегда сопровождается особой интонацией.

Вопросительные предложения мы употребляем с целью побудить своего собеседника сообщить то, что нам неизвестно. В соответствии с такой целевой установкой в предложениях этой группы довольно часто употребляются местоименные слова кто, что, какой, который, чей, где, куда и т. п., придающие предложению значение вопроса. Это те слова, которые как раз указывают на неизвестное, на то, что должно быть раскрыто только после ответа собеседника. Местоименные слова — это своего рода иксы, требующие раскрытия своего содержания.

Над Алешкой кто-то присел, потыкал пальцем в голову:
— Эй, ты кто!
Алешка выпростал один глаз. Кобели неподалеку опять зарычали.
Около Алешки присел на корточки давешний мальчик, — кого только что пороли.
— Как зовут? — спросил он.
— Алешкой.
— Чей?
— Мы Бровкины, деревенские.

Неизвестные („иксы") кто, как, чей раскрываются содержанием слов Алешкой, Бровкины, деревенские, причем любопытно, между прочим, что слова как и чей раскрываются непосредственно, кто — посредством как, чей.

Кроме местоименных слов, для придания предложению значения вопроса могут употребляться специальные вопросительные частицы разве, неужели, ли; к ним примыкает и частица что за:

— Об этих делах запрещено говорить! — лениво заявил надзиратель. — Можно только о семейном...
— А это разве не семейное? — возразила мать. (М. Г.)
— Ой — ой, сколько принесли! Неужели пешком? (М. Г.)
— Это хорошо! Только стоит ли вам беспокоиться? (М. Г.)
— Это что за сборище? Почему бросили работу? (М. Г.)

Иногда в вопросительных предложениях может быть такой порядок слов, который указывает на то, к какому слову относится вопрос, хотя это и не является характерной особенностью русского языка.

— Говорил с солдатами? (А. Т.)
Ср. — С солдатами говорил?

— Что еще? Суда не готовы? (А. Т.)
Ср. — Еще что? Не готовы суда?

Как видим, в начале предложения ставится то слово, к которому главным образом относится вопрос.

Вопросительные предложения произносятся с особой вопросительной интонацией, хотя она может и отсутствовать, если другие формальные средства достаточно сильны для выражения вопросительного значения.

Четвертый тип. Эмоционально-экспрессивные предложения. Они выражают отношение говорящего к окружающим явлениям, которые непосредственно затрагивают прежде всего его эмоциональную, а не интеллектуальную сторону. Это отношение может проявляться в выражении нежности, ласки, враждебности, отвращения, восхищения и т.п.

Для этого в эмоционально-экспрессивных предложениях используются:

1) Местоименные слова типа какой, такой, который, кто, что, что за, как, куда, куда как и т.п. Часто они служат для усиления значения каких-либо членов предложения, и это приводит к усилению эмоционально-экспрессивного значения.

— А какой Соломин славный! (Тург.)
— Какая его невеста славная! (Черн.)
— Какая скверная погода! (П.)
— Куда как хороши! (Гриб.)

2) Особые слова с эмоционально-экспрессивной окраской. Сюда можно отнести некоторые сложносоставные слова типа томительно-страшный, бесовски-сладкий, безрасчетно-великодушный и т. п., слова с уменьшительно-ласкательными и увеличительно-пренебрежительными суффиксами, прилагательные превосходной степени и нек. др.

Он чувствовал бесовски-сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение. (Гог.)

Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
(Некр.)

„Спи, пригожий, спи, румяненький"!
Больше слова не скажу.
(Некр.)

3) Повторы:

—... а я скажу прямо, и ему в глаза скажу, что он негодный человек, негодный, негодный, негодный! (Гог.)

4) Междометия:

Фамусов. Ах, боже мой! он карбонари! (Гриб.)
Увы, напрасная мечта! (Некр.)
„О безрассудная!" сказал: „к кому любовь,
Кому свое млеко ты расточаешь?"
(Кр.)

5) Эмфатическое ударение,[1] являющееся источником эмоциональной окраски слова:

Попался косой,
Поймали Ежа, заблудились немножко,
И видели волка..., у, страшный какой!
(Некр.)

6) Особые выражения:

Чорт вас возьми, степи, как вы хороши! (Гог.)

7) Особая интонация, придающая предложению эмоциональную окраску. В случае отсутствия остальных формальных средств выражения эмоционально-экспрессивного значения она может быть единственным средством ее выражения:

Волшебный край! Там в стары годы,
Сатиры смелой властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы...
(П.)
Златой предел! Любимый край Эльвины,
Туда летят желания мои.
(П.)

Как видно уже из приведенных примеров, эмоционально-экспрессивные предложения не всегда встречаются в чистом виде. Довольно часто они употребляются одновременно и для выражения утверждения, называния и т. д. Но все же эмоционально-экспрессивная сторона является настолько характерной чертой их, что это позволяет нам выделять их в особую группу, хотя они могут принадлежать в то же время и к другим группам.

---

1 Проф. Л. В. Щерба так определяет это ударение с фонетической точки зрения: „Эмфатическое ударение состоит в большем или меньшем удлинении ударного гласного: прекра-аснейший работник, замеча-ательное произведение искусства." Фонетика французского языка. Л. 1937, стр. 127.

Эмоционально-экспрессивная сторона в этих предложениях иногда настолько превалирует, что может нарушаться спокойное течение мысли, а предложение может интонационно расчленяться на отдельные части, отделяемые друг от друга значительными и не оправданными с грамматической точки зрения паузами. Наша речь, состоящая из таких предложений, получает отрывистый характер:

Репетилов.
Царь небесный!
Анфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
(Гриб.)

Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь!
А! неблагодарный! (Фонв.)

Типы интонации.

Так как интонация является одним из важнейших признаков смысловой законченности предложения, следует остановиться на том, какая же интонация характерна для каждого из отмеченных выше типов предложений. Ответить на этот вопрос—это значит одновременно установить и типы интонации в соответствии с классификацией предложений по их целевой установке.

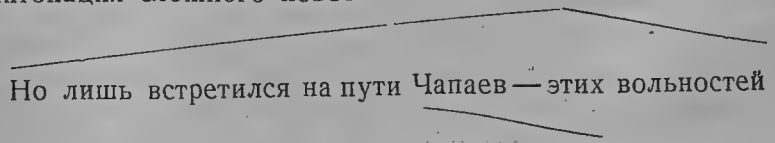
Основными типами интонации являются следующие: повествовательная интонация; побудительная интонация, в которой следует различать императивную и вопросительную; восклицательная интонация.

Повествовательная интонация характерна для повествовательных предложений. С помощью этой интонации произносятся как утвердительные, так и отрицательные предложения. Характерной особенностью этой интонации является то, что в первой части предложения голос постепенно повышается, во второй, наоборот, постепенно понижается. Это можно наблюдать и в простом, и в сложном предложении.

Интонация простого повествовательного предложения:

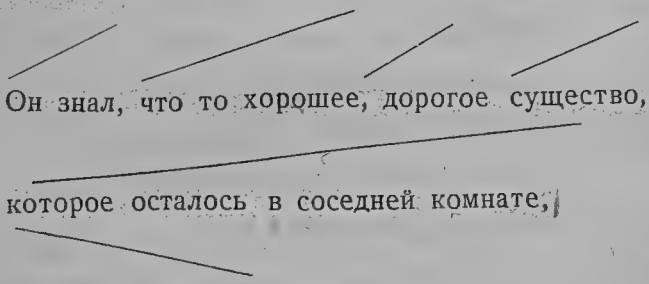
В штаб армии вызвали командира... (Фурм.)

Интонация сложного повествовательного предложения:

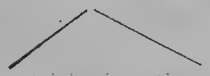


Но лишь встретился на пути Чапаев — этих вольностей с ним уж нет (Фурм.)

Конечно, повествовательная интонация и в простом, и в сложном предложении может видоизменяться в зависимости от степени распространенности их и смысловых оттенков, которые нередко создаются говорящим с помощью особой модификации голоса. Но основные признаки — повышение голоса, по крайней мере в начале предложения, и понижение его, по крайней мере в конце предложения, всегда сохраняются. Одно из видоизменений повествовательной интонации можно показать на таком примере:



С повествовательной интонацией произносятся и номинативные предложения:



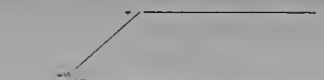
или:

С побудительной интонацией произносятся предложения, выражающие побуждение, т. е. предложения императивные и вопросительные. В соответствии с делением побудительных предложений в побудительной интонации следует различать интонацию императивную и вопросительную.

Императивная интонация может проявляться в самых разнообразных формах. Это определяется тем, что именно выражается в данном предложении: приказание в категорической форме, приказание в смягченной форме, просьба, желание и т. д.

Вообще можно заметить, что императивная интонация никогда не имеет более или менее заметного понижения в конце предложения.

Вот несколько образцов императивной интонации:

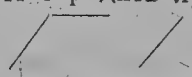


Вон из комбригов! (Фурм.)

Пиши рапорт. (Фурм.)

„Курга,—кричу,—приказ пиши". (Фурм.)

—А отрядить лучших! (Фурм.)

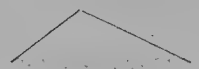


—На вот, бери... (Фурм.)

На, мол, и меня помни! (Фурм.)

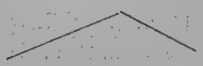
—Вы бы зашли, Семен Андреич. (Ст.)

Нередки случаи, когда интонация императивных предложений принимает характер повествовательной: предложения произносятся спокойным голосом. Так, например, одно из приведенных выше императивных предложений может интонироваться и таким образом:

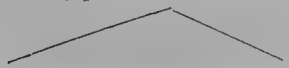


Пиши рапорт.

То же и в следующих случаях:



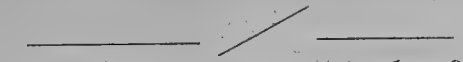
Принеси воды.



Напиши ему письмо.

Вопросительная интонация характеризуется резким повышением голоса на одном из членов предложения.

Отец сегодня пойдет на работу?



Отец сегодня пойдет на работу?

Отец сегодня пойдет на работу?

Отец Сегодня пойдет на работу?

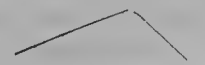
Как видим, резкое повышение голоса может падать на любое слово, лишь бы к нему относился вопрос.

Слово, к которому относится вопрос, резко выделяется из всего состава членов предложения не только путем повышения голоса, но и путем растяжения гласного звука ударяемого слога:

Отец сего-одня пойдет на работу?
Отец сегодня пойде-ет на работу?
Отец сегодня пойдет на рабо-оту? и т. д.

Кроме того следует отметить, что вообще вопросительные предложения произносятся в более высоком и напряженном тоне.

Иногда вопросительные предложения могут произноситься с повествовательной интонацией:

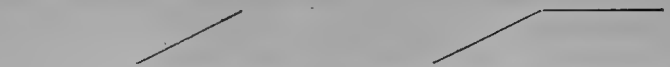


Который час?

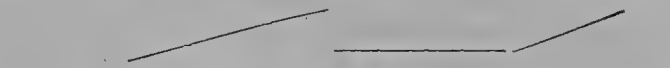
Это указывает на то,что в таких случаях грамматические средства достаточно сильны для выражения вопроса и без интонации.

С восклицательной интонацией произносятся эмоционально-экспрессивные предложения. Восклицательная интонация, как и вопросительная, характеризуется более высоким и напряженным тоном, в котором произносятся эмоционально-экспрессивные предложения. Она может быть весьма разнообразной.

Это зависит от того, какие именно чувства выражает говорящий в каждом данном предложении.

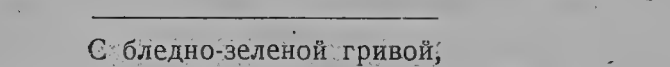


— Собаки! (И громче). Собаки, не люди!
(А. Т.)



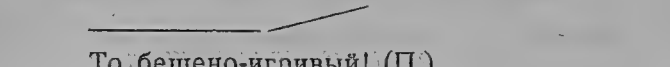
— Деньги тебе! А жив уйти хочешь! (А. Т.)

О, рьяный конь, о, конь морской,



С бледно-зеленой гривой,

То смирный, ласково-ручной,



То бешено-игривый! (П.)

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

После общей характеристики предложения, в частности отдельных типов их по целевой установке, необходимо остановиться на том, что такое словосочетание и в каких взаимоотношениях находится оно с предложением.

Словосочетанием называют два или несколько слов, связанных между собой по смыслу и грамматически. Следовательно, такое сочетание слов образует смысловое и грамматическое единство, напр., страна социализма, директор института, новая жизнь, холодная зима, самолет летит, поезд ушел и т. п.

Из сказанного видно, что не всякое сочетание слов можно назвать словосочетанием. Такие, напр., сочетания, как железное солнце, животная изба и т. п. не могут быть признаны словосочетаниями, так как они лишены внутреннего смысла, содержания, смыслового единства, хотя в отношении грамматической связи этого сказать нельзя (оба слова в каждом сочетании поставлены в одной форме; они согласуются). Также нельзя

считать словосочетаниями и такое соединение слов, как вкусно обед (ср. вкусный обед), хорошо работа (ср. хорошо работать) и т. п., где отсутствует грамматическая связь, хотя по смыслу отдельные слова могли бы при случае быть соединены друг с другом. Так, напр., если бы ребенок, не овладевший еще нормами русского языка, вместо вкусный обед, хорошая работа сказал вкусно обед, хорошо работа, мы объединили бы по смыслу отдельные слова в одно целое и поняли бы, о чем он говорит.

Словосочетания могут быть предикативными и непредикативными. Предикативными мы называем такие словосочетания, в которых есть предикативное слово, непредикативными, наоборот, — такие словосочетания, в которых предикативное слово отсутствует.

Следовательно, предикативные словосочетания не только и не просто образуют смысловые и грамматические единства, а одновременно выражают и законченную мысль. Такие словосочетания представляют собой предложения. Непредикативные словосочетания представляют просто смысловые и грамматические единства, не выражающие законченной мысли. Они могут входить в предложение как его составные элементы. Так, напр., словосочетание

Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный (Некр.)

является предикативным словосочетанием, потому что оно имеет в своем составе предикативное слово „стучались“. Это предложение. Словосочетания же „в упругую грудь,“ „грудь рудников“, „молот железный“ — непредикативные, следовательно, не являются предложениями. Они входят в состав предложения как его структурные элементы. Отсюда, между прочим, следует, что предложение может расчленяться на отдельные словосочетания, как двухсловные, так и многословные. Предложение, напр.,

Вверх знамена подняв,
Мы ведем корабли... (Френк.)

расчленяется на таких два многословных сочетания: вверх знамена подняв и мы ведем корабли. В то же время его можно расчленить на двухсловные сочетания: вверх поднял, знамена подняв, мы ведем, ведем корабли, ведем подняв. Таких двухсловных словосочетаний в предложении будет столько, сколько в нем будет слов без одного (служебные слова не принимаются в расчет).

Кроме предикативных и непредикативных словосочетаний, есть еще полупредикативные, занимающие промежуточное положение между предикативными и непредикативными. Это такие словосочетания, в которых есть полупредикативное слово, т. е. слово, которое в известной степени приближается к предикату (сказуемому). Полупредикативные словосочетания—это, так сказать, полупредложения. Они выражают не законченную мысль, как предикативные словосочетания, но и не простую связь двух понятий или представлений. В основе связи двух слов полупредикативного словосочетания лежит неполная предикативность, неполное утверждение, неполное, следовательно, расчленение (см. выше). Ср. Усталая мать нуждалась в отдыхе и усталая, она нуждалась в отдыхе. В первом предложении словосочетание „усталая мать" не имеет и тени предикативности. Два слова выражают одно, хотя и сложное представление. Во втором же предложении словосочетание „усталая, она"... заключает в себе какой-то оттенок предикативности, а слово „усталая" напоминает нам в какой-то степени сказуемое. Все предложение поэтому имеет приблизительно такой смысл: Будучи усталой, она нуждалась в отдыхе и напоминает нам предложение: Так как она была усталой, она нуждалась в отдыхе. Вот почему, между прочим, обособленные причастные и деепричастные конструкции, напр., очень легко, как известно, заменяются придаточными предложениями. Ведь причастия и деепричастия таят в себе максимум предикативности (в сравнении с теми словами, которые не имеют предикативной формы).

Полупредикативные отношения, как потом увидим, создаются не столько грамматическими формами, сколько такими средствами, как порядок слов, интонация, наличие усилительных слов и т. п.

Поскольку полупредикативные словосочетания могут распространяться за счет других слов, они могут быть не только двухсловными, но и многословными. Вот пример на оба случая:

От края и до края,
От моря и до моря
Берет винтовку
Народ трудовой,
Народ боевой,
Готовый на горе,
Готовый на муки,
Готовый на смертный бой.
(Л. Дз.)

Словосочетания могут быть разложимыми и неразложимыми. Разложимыми будут те словосочетания, которые можно

разложить на составляющие их элементы (слова) без изменения значения каждого из таких элементов. Разложить словосочетание — это значит установить между отдельными словами, образующими его, взаимную смысловую и грамматическую зависимость. Так, напр., словосочетание „белая бумага" легко расчленяется на отдельные элементы „белая" и „бумага". Первое слово выражает признак, который приписывается предмету, обозначенному вторым словом. Грамматически первое слово связано со вторым на основе согласования. Каждое из этих слов сохраняет свое значение после разложения словосочетания.

Неразложимыми будут такие словосочетания, которые нельзя разложить без изменения значения каждого из входящих в них элементов. Это „исключает возможность признать их взаимную зависимость и не дает возможности признать которое-нибудь из них самостоятельным членом предложения".[1] Отдельные слова в таких словосочетаниях не имеют своего самостоятельного значения, как в разложимых словосочетаниях, и напоминают нам морфологические части слов, а все словосочетание, состоя из таких элементов и выражая одно понятие, напоминает нам отдельное слово. Словосочетание, например, втирать очки, неразложимо. Механическое расчленение его на элементы „втирать" и „очки" ни к чему не приведет, так как каждый элемент получает новое, самостоятельное значение, которого он не имеет в словосочетании „втирать очки". Здесь совершенно невозможен такой анализ: Что делать?—втирать.—Втирать что?—очки. Отдельные слова этого словосочетания действительно аналогичны морфологическим компонентам отдельного слова. Ср. втирать очки и очковтирательство. Такими же неразложимыми будут словосочетания сломя голову, спустя рукава, бить баклуши и т. д.[2].

При анализе словосочетаний и предложений не следует расчленять и такие словосочетания, как железная дорога, Черное море, а также Красная Армия, Советский Союз и т. п., так как каждое из них выражает одно понятие.

Такова общая характеристика словосочетаний.

Разложимые словосочетания, по характеру грамматической связи входящих в них слов, делят на подчинительные и сочинительные.

Подчинительными называют такие словосочетания, в которых одно слово будет самостоятельным, а другое несамостоятельным, подчиненным первому, напр., книга сестры.

---

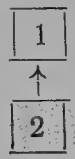
[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, в. I, 422.

[2] Такие словосочетания называют идиомами. Подробно о них см. в книге В. В. Виноградова. Совр. русск. язык, в. I, М. 1938.

Слово „книга“ по отношению к слову „сестры“ является самостоятельным, независимым, а слово „сестры“ по отношению к слову „книга“, наоборот, несамостоятельным, подчиненным ему. Не первое определяет собой второе, а, наоборот, второе определяет собой первое (книга чья? — сестры, т. е. сестрина.). Это находит и свое грамматическое выражение: слово „сестры“ по отношению к слову „книга“ является управляемым, следовательно, грамматически зависимым словом. Подчинительная связь одного слова другому выражается здесь с помощью флексии — Ы. Флексия, выражающая такую связь, всегда будет в подчиненном слове. Кроме флексии, подчинительная связь может выражаться одновременно и предлогом, причем последний всегда прикрепляется к зависимому слову, напр., корзина из бересты. Отношение между словами в подчинительных словосочетаниях А. М. Пешковский называет необратимыми. Действительно, отношения между словами в приведенных словосочетаниях, как и вообще в подчинительных словосочетаниях, нельзя обратить, т. е. нельзя сказать вместо „книга сестры“, „корзина из бересты“ — „сестра книги“, „береста из корзины“. Невозможность обратить отношения — это значит невозможность оторвать звуковой показатель отношений (предлог или предлог + флексию) от зависимого слова и присоединить его к другому (самостоятельному) слову, невозможность, следовательно, зависимое слово сделать самостоятельным, а самостоятельное зависимым.

В подчинительных словосочетаниях может быть 1) простое подчинение, 2) последовательное подчинение, 3) соподчинение, 4) параллельное соподчинение, 5) многостепенное подчинение и, наконец, 6) смешанная зависимость.

1) Простое подчинение одного слова другому возможно только в двухсловных словосочетаниях, причем в таком случае одно слово будет абсолютно самостоятельным, а другое абсолютно несамостоятельным. Наглядно эту зависимость можно показать хотя бы на примере „Завод (1) работает (2)“ следующим образом:

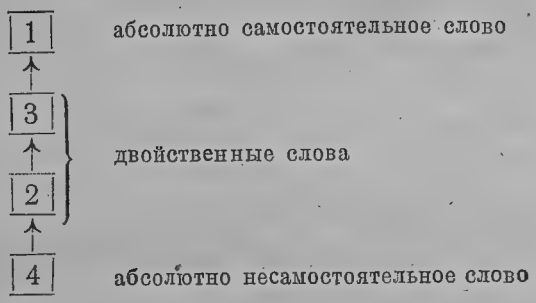


абсолютно самостоятельное слово

абсолютно несамостоятельное слово

2) Последовательное подчинение слов друг другу, или включение, возможно в многословных сочетаниях. Оно

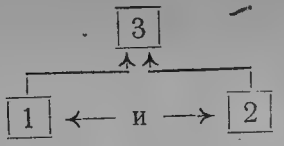
состоит в том, что слова последовательно подчиняются друг другу, или последовательно включаются одно в другое. В словосочетаниях, построенных по такому типу подчинения, всегда будет одно слово абсолютно самостоятельным, одно, наоборот, абсолютно несамостоятельным, все остальные, сколько бы их ни было, двойственными, т. е. такими, которые подчиняются одному из слов словосочетания и одновременно подчиняют себе какое-либо другое слово. В словосочетании, напр., „Мы (1) песню (2) споем (3) боевую (4)“ эту зависимость можно представить так:



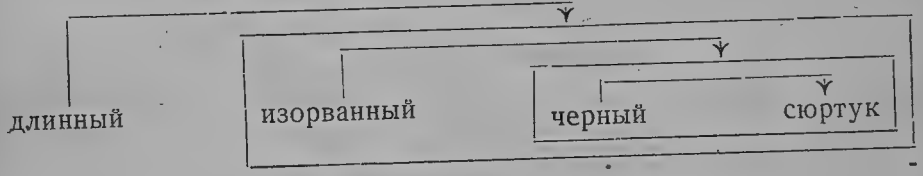
3) Соподчинение состоит в том, что два или несколько слов взаимно подчиняются одному, общему для них члену. Таким образом, для осуществления такой связи необходимо не менее трех слов. Пример: Послали (1) хозяина (2) за доктором (3) (Чех.). Графически зависимость между отдельными элементами этого словосочетания представляется нам в таком виде:

4) От соподчинения вообще следует отличать параллельное соподчинение. Последнее характеризуется тем, что соподчиненные элементы связываются не только с общим членом, но и друг с другом. Если в приведенном выше словосочетании „послали хозяина за доктором“ слова „хозяина“ и „за доктором“ связаны только с общим для них элементом „послали“, то в словосочетании, напр., „новый и светлый дом“ слова „новый“, „светлый“ связаны не только с общим членом (дом), но и между собой:[1]

[1] Между собой они связаны на основе сочинения, а не подчинения. Об этом см. ниже.



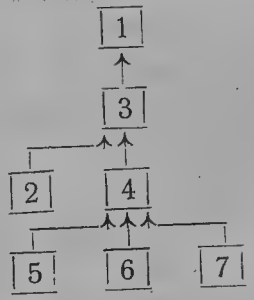
5) Многостепенное подчинение характеризуется тем, что одно определяющее слово непосредственно связано с определяемым, второе связано с сочетанием „первое определяющее + определяемое“, третье — с сочетанием „первое определяющее + второе определяющее + определяемое“ и т. д. В словосочетании „на нем был длинный изорванный черный сюртук“ (Усп.) отношения эти представляем так:



6) Смешанная зависимость, как само название показывает, характеризуется тем, что в ней может быть и простое подчинение, и соподчинение, и включение и т. д. Такую зависимость называют еще разветвленным подчинением.[1] При такой зависимости всегда должно быть несколько абсолютно несамостоятельных слов. Вот образец смешанной зависимости:

Человек всегда имеет право
На ученье, отдых и на труд.
(Леб.-Кум.)

Обозначив цифрами слова в порядке их расположения, составим схему этого словосочетания:



[1] См. А. М. Пешковский. Синтаксис.

Здесь находим последовательное подчинение (1, 3, 4, 6; 1, 3, 2; 1, 3, 4, 5; 1, 3, 4, 7), 2) соподчинение (2-е и 4-е соподчиняются 3-му); 3) параллельное соподчинение (5-е, 6-е, 7-е соподчиняются 4-му, и в то же время они связаны друг с другом).

В понятие подчинения мы включаем 1) управление, 2) согласование и 3) примыкание.

Управлением называется такая смысловая и грамматическая связь между словами, когда одно слово требует от другого слова определенной падежной формы. Так, например, в словосочетании „рубить топором" первое слово требует от второго творительного падежа. Другие падежные формы здесь невозможны. Нельзя сказать, например, „рубить топору, топора" и т. д. Слово „рубить" не может терпеть при себе других падежных форм этого существительного.

Слово, требующее от другого слова определенного падежа, называется управляющим (в нашем примере „рубить"), слово, которое ставится в той или иной падежной форме по требованию управляющего слова, называется управляемым (в приведенном примере „топором").

Различают управление предложное, или посредственное, и беспредложное, или непосредственное. При первом типе управления связь управляемого слова с управляющим выражается не только падежной флексией, но и предлогом, при втором — только флексией. В предложении „Мы песню поем о героях Хасана" (Леб.-Кум.) управляемое слово „о героях" связано с управляющим словом „поем" не только при помощи флексии, но и предлога („о"), управляемые слова „песню" и „Хасана" связаны с управляющими (первое — с „поем", второе — с „героях") только флексиями.

Управляемыми словами являются косвенные падежи существительных, а также соответственных местоимений и числительных.

Управляющими словами могут быть глаголы и имена. В соответствии с этим различают управление глагольное и именное. В предложении

В голубой вышине самолеты летят,
Словно стая стальных журавлей
(Б. Тим.)

глагольное управление будет в словосочетании „летят в вышине", именное — в словосочетании „стая журавлей".

Управление может быть сильным и слабым. Сильным называется такое управление, при котором зависимое слово может быть отнесено только к одному слову. Так, например, в предложении „Цвет лица ее был румян" зависимое слово

„лица“ может быть связано только со словом „цвет“. С другими членами предложения оно не может вступить в связь ни при каких условиях. При с л а б о м управлении зависимое слово может быть отнесено нами то к одному, то к другому слову. Так, в предложении „На лужайке м е ж д у ш и р о к и м и к у с т а м и алела земляника“ (Тург.) зависимые слова „между широкими кустами“ могут быть связаны и со словом „алела“ и со словом „на лужайке“. Ср. „Лужайка между широкими кустами высохла“, где те же слова будут связаны только со словом „лужайка“ (сильное управление).

С о г л а с о в а н и е м называется такая смысловая и грамматическая связь между двумя словами, когда оба слова ставятся в одной грамматической форме:

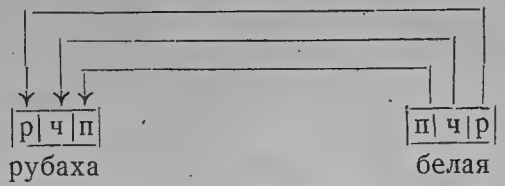
На ней р у б а х а б е л а я
Да с а р а ф а н к о р о т е н ь к и й,
Да серп через плечо.
(Некр.)

Слова „рубаха“ и „белая“ стоят в ф. им. п. ед. ч. жен. р., слова „сарафан“ и „коротенький“ в ф. им. п. ед. ч. муж. р. Они, следовательно, согласуются. Но нужно помнить, что слова, вступающие в связь между собою на основе согласования, не являются равноправными, равноценными по отношенню друг к другу величинами. Наоборот, здесь всегда будет о п р е д е л я ю щ е е и о п р е д е л я е м о е. Определяющее (согласуемое) слово подчиняется определяемому, приспособляя к последнему свою грамматическую форму. Определяющее слово „белая“ стоит в форме им. п. ед. ч. ж. р. только потому, что такую форму имеет определяемое существительное. Если же это определяющее слово мы соединим с определяемым словом „сарафан“, то оно получит уже ф. им. п. ед. ч. муж. р., потому что в такой форме стоит определяемое слово „сарафан“ (ср. далее с а р а ф а н б е л ы й и с а р а ф а н а б е л о г о, с а р а ф а н у б е л о м у и т. д.).

Согласование бывает п о л н ы м и н е п о л н ы м. При полном согласовании мы используем все те грамматические категории и формы, которые являются синтаксическими, т. е. способными выражать синтаксические отношения между словами. Такими синтаксическими средствами у прилагательных, например, являются род, число и падеж.[1] Если, согласуя прилагательное с определяемым словом, мы используем все перечисленные синтаксические средства, то это будет означать, что мы установим между словами полное согласование. В словосочетании „рубаха белая“

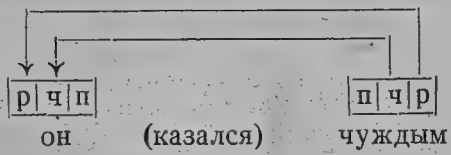
[1] Если не считать так наз. категории краткости.

будет полное согласование его элементов. Графически это можно представить следующим образом:



Здесь полностью используются все грамматические средства выражения синтаксических отношений между прилагательным и существительным.

При неполном согласовании используются не все возможные грамматические средства, что можно видеть хотя бы из таколо примера: „Он казался ей чуждым“ (М. Г.). Здесь слово „чуждым“ согласуется со словом „он“ только в числе и роде. В падеже согласование отсутствует: слово „чуждым“ имеет форму творительного падежа, определяемое слово „он“ — форму именительного падежа. Наглядно эту зависимость можно показать так:



Согласуемыми словами являются прилагательные, причастия, некоторые числительные и местоимения, имеющие такие же формы словоизменения, как и прилагательные, а также спрягаемые формы глагола. При этом спрягаемые глагольные формы согласуются только с именительным падежом существительных (или соответственных им слов).

Примыканием называется такая связь между словами, когда неизменяемое слово примыкает к другому слову только по смыслу. Такой тип подчинения, собственно, характеризуется отсутствием грамматической связи между словами. Примыкающее слово вступает с определяемым словом только в смысловую связь. Отсутствие грамматической связи объясняется тем, что все примыкающие слова по своей грамматической природе являются неизменяемыми словами. У них, следовательно, нет грамматических средств, которые необходимы для выражения грамматических отношений.

Примыкающими словами могут быть наречия, деепричастия и инфинитивы, т. е. слова, никогда не изменяющие своей формы. Несколько примеров.

Жил простой моряк когда-то,
Дружный с ветром и волной.
(В. Вин.)

Лейся, песня, на просторе,
Не скучай, не плачь жена:
Штурмовать далеко море
Посылает нас страна.
(А. Ап.)

На собранные
Крепостные гроши,
Исписав
карандашей
не один аршин,
Принимая
разные позы,
Писатель смакует —
„как хороши,
Как свежи были розы".
(Маяк.)

Примыкающими словами в приведенных примерах являются слова: когда-то, штурмовать, исписав, принимая.

После характеристики подчинительных словосочетаний и типов связи входящих в них элементов перейдем к рассмотрению сочинительных словосочетаний.

Сочинительными словосочетаниями называют такие словосочетания, в которых отдельные их элементы (слова) в отношении друг друга являются самостоятельными, независимыми и представляются нам совершенно равноценными, равнозначащими величинами, так как ни один из этих элементов не является по отношению к другому ни определяющим, ни определяемым. Примеры: отец и мать, книги и газеты, зима и весна, драма и комедия, молодой и веселый, счастливая и радостная, поет и играет, тихо и уютно и т. п. Отношения между словами, входящими в состав сочинительных словосочетаний, находят и свое звуковое выражение. Оно состоит в том, что звуковые показатели отношений будут в обеих соотносящихся величинах: драм*а* и комеди*я*, молод*ой* и весел*ый* и т. д. (в таких случаях, как отец и мать показателями будут так называемые нулевые флексии). Кроме того звуковой показатель может быть и между соотносящимися элементами, но здесь он не прикрепляется к одному лишь слову, как в подчинительных словосочетаниях, а в равной степени относится и к тому и к другому. Звуковой показатель в сочинительных словосочетаниях между словами может отсутствовать, но в таком случае его отсутствие восполняется наличием соответствующей

соединительной паузы, что невозможно в подчинительных словосочетаниях. Таким образом, можно сказать не только отец и мать, книги и газеты, зима и весна и т. д., но и отец, мать; книги, газеты; зима, весна и т. д

Отношения между элементами сочинительных словосочетаний Пешковский справедливо называет обратимыми. Ведь вместо отец и мать, книги и газеты и т. д. можно сказать, не внося никаких изменений в смысловые отношения слов каждой пары: мать и отец, газеты и книги и т. д.

Как видно из приведенных примеров, речь идет здесь о тех словосочетаниях, которые представляют из себя однородные члены предложения. Такие слова, как известно, предполагают наличие еще одного слова, с которым они должны быть связаны в порядке соподчинения. Действительно, такое, напр., словосочетание, как молодой и веселый, предполагает наличие одного из таких слов, как „человек", „мужчина" и т. п. Поэтому звуковые показатели отношений в сочинительных словосочетаниях (флексии и союзы) не только связывают слова, входящие в их состав, но и показывают, что эти слова связаны еще с третьим, общим для них членом. Отсюда следует, что сочинительные словосочетания этого типа целесообразно рассматривать в предложении в их отношении к общему члену. Несколько литературных примеров:

Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним (Гог.). В двери стоял черноволосый и красивый мальчик... (М. Г.).

В сочинительных словосочетаниях может быть и больше двух элементов:

К ночи над городом повисла большая туча, и пошел тихий, теплый, летний дождь (Усп.). Тут Вы видите зайцев, кроликов, ежей, морских свинок, хорьков. (Чех.).

Особую разновидность сочинительных словосочетаний представляют словосочетания типа поэт-гений, красавица-зорька, изба-читальня, фабрика-кухня, товарищ Петров и т. п., т. е. те словосочетания, в которых одно из слов является приложением. Обычно в школьных грамматиках принято считать, что приложение согласуется с определяемым словом. Но некоторые ученые утверждают, и это правильно, что приложение вступает в связь с определяемым не на основе согласования, следовательно подчинения, а на основе сочинения. Ведь приложением может быть существительное, а существительное

вообще неспособно согласоваться с другими словами.[1] Если нельзя сказать, например, колхозники посещают избу-читальня, то это еще не значит, что приложение согласуется с определяемым. Ведь нельзя сказать и так: колхозники посещают клуб и театра, и тем не менее никто не станет доказывать, что однородные слова согласуются друг с другом, так как ставятся в одной форме. Правильно отмечает Д. Н. Овсянико-Куликовский: „Ощущение, получаемое от согласования приложений, подсказывает нам, что это — особый вид согласования, которому скорее приличествует название параллелизма. Можно уловить одну черту, содействующую этой разновидности грамматического ощущения: именно, при обыкновенном согласовании („добрый человек", „добрая женщина", „резвое дитя") мы чувствуем зависимость прилагательного от существительного,— первое, если можно так выразиться, во всем повинуется второму, покорно следуя за ним, как бы подражая ему; напротив того, согласование приложений не сопровождается этим ощущением полной зависимости или подчиненности, и приложение отражается в нашем сознании как момент почти равноправный моменту определяемого. Эти моменты параллельны".[2] Такая характеристика связи приложения с определяемым ничего не оставляет от согласования, и Овсянико-Куликовскому следовало бы сделать вывод, что это не особый вид согласования, следовательно подчинения, а особый вид сочинительной связи. Совершенно прав Пешковский, отметивший, что „отношения между представлениями грамматически здесь сводятся только к тому, что оба они обозначают один и тот же реальный предмет, и по этому признаку представления эти, конечно, абсолютно одинаково относятся друг к другу", что „отношения здесь всегда взаимно-совпадающие, и это яснее всего обнаруживается в том, что все такие словосочетания легко допускают обращение".[3] По мнению Пешковского, можно сказать не только гражданин Иванов, красавица-зорька, брат-учитель, но и Иванов-гражданин, зорька-красавица, учитель-брат. Последние „только стилистически отличаются от гражданин Иванов и т. д."[4]

Но в чем же отличие этих словосочетаний от словосочетаний типа отец и мать, брат и сестра и т. п.? Отличие заключается в том, что грамматическому равенству соотносящихся слов не соответствует смысловое равен-

[1] То „согласование" приложения с определяемым, о котором говорится в школьной грамматике, может быть даже не обязательным.

[2] Синтакис русского языка. С.-П., стр. 228.

[3] Русск. синт. в научн. освещ., стр. 49.

[4] ibid.

ство их. В смысловом отношении то слово, которое называют приложением, будет подчиненным, определяющим по отношению к другому слову. „Логически и словарно они часто бывают в неравных отношениях друг к другу (напр., в словосочетании гражданин Иванов они относятся друг к другу как видовое понятие к единичному и единичное к видовому, в словосочетании школа-семилетка — как родовое понятие к видовому и обратно, в словосочетании красавица-зорька — как признак к предмету и обратно и т. д.), и это лежит в основе школьного учения о „приложении".[1]

В русском языке есть еще одна разновидность сочинительных словосочетаний. Это словосочетания, в которых составляющие его элементы связаны друг с другом с помощью двух союзов — одного разделительного (сочинительного), а другого уступительного (подчинительного). Это приводит к тому, что на основное значение сочинения наслаивается оттенок подчинения:

Счастлив тот, у кого на стол, хоть не роскошный, но опрятный родительский хлеб и соль поставлены... (Держ.)

Разделительный союз может отсутствовать:

Одета она была в опрятное, хоть и полинялое ситцевое платье... (Тург.). Рахметов постепенно принимал опять серьезный, хотя и не мрачный тон (Черн.).

Такова в кратких чертах характеристика отдельных типов словосочетаний.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Отдельные слова нашей речи выражают понятия или представления. Предложение же выражает не отдельные изолированные понятия или представления, а целую мысль, следовательно ряд понятий или представлений в их определенной взаимосвязи. Поэтому слова, входящие в состав предложения, тоже должны находиться в определенной взаимосвязи друг с другом. Они должны быть синтаксически упорядочены, т. е. поставлены в известные синтаксические отношения друг к другу. (Ср. Иван сидеть зала читать газета и Иван сидит в зале и читает газету).

Какими же способами выражения синтаксических отношений располагает современный русский язык?

[1] А. М. Пешковский, ibid.

Основными способами выражения синтаксических отношений являются грамматические формы отдельных слов и служебные слова, вспомогательными — порядок слов и интонация. Кроме того лексическое значение слов может иногда указывать на синтаксические отношения.

Грамматические формы отдельных слов, способные выражать синтаксические отношения, называют синтаксическими. Не все грамматические формы могут быть синтаксическими.

У существительных единственной синтаксической формой является форма падежа, формы же рода и числа, поскольку они не выражают синтаксических отношений существительного к другим словам, считаются несинтаксическими. Это можно показать хотя бы на таком примере:

Читаю книгу.

Синтаксические отношения между существительным и глаголом выражены здесь только с помощью падежной формы (ф. вин. пад.). Что это действительно так, доказывает следующее: 1) для глагола „читаю" совершенно безразлично, какого рода будет управляемое им существительное; поэтому вместо существительного женского рода можно поставить существительное мужского или среднего рода: читаю журнал, письмо; 2) для глагола также безразлично, в каком числе будет поставлено управляемое существительное; поэтому вместо формы единств. числа существительного можно поставить форму множ. числа: читаю книги, журналы, письма; 3) наоборот, для глагола не безразлично, в каком падеже мы поставим существительное; нельзя сказать: читаю книгой или читаю книге и т. п. Таким образом, формы рода и числа здесь ни причем. Только падежная форма у существительных будет синтаксической.

У прилагательных синтаксическими формами являются ф. ф. рода, числа и падежа. Покажем это на примерах.

Зеленый куст.
Зеленая трава.
Зеленое поле.

Из этих примеров видно, что прилагательное изменяет форму рода в зависимости от того, с существительным какого рода оно каждый раз сочетается.

Зеленый куст — зеленые кусты.
Зеленая трава — зеленые травы.
Зеленое поле — зеленые поля.

Форма числа прилагательного здесь в каждом случае зависит от формы числа существительного.

Зеленый куст — зеленого куста — зеленому кусту — зеленым кустом — на зеленом кусте.

Как видим, прилагательное изменяет свою падежную форму в соответствии с изменением этой формы в определяемом существительном.

Все это наглядно показывает, что ф. ф. рода, числа и падежа прилагательных синтаксические.

Кроме того, синтаксической формой прилагательного следует признать его краткую, или нечленную, форму, так как она всегда, при всяких условиях в современном языке выражает строго определенные синтаксические отношения: она всегда показывает, что прилагательное относится к определяемому, как сказуемое к подлежащему:

Пирует Петр. И горд и ясен
И славы полон взор его,
И царский пир его прекрасен.
(П.)

Синтаксическими формами спрягаемых глаголов являются ф. ф. лица, числа и рода.[1] Сравнивая такие сочетания, как я играю — ты играешь — он играет, затем артист играет — артисты играют, наконец, мальчик играл — девочка играла — дитя играло, — убеждаемся, что все названные формы спрягаемых глаголов синтаксические.

Способы выражения синтаксических отношений.

У неспрягаемых глаголов можно отметить только одну синтаксическую форму — краткую форму страдательного причастия. В предложении она, как и краткая форма прилагательного, всегда будет сказуемым:

Палатка и кухня отправлены были вперед на место, где Кирила Петрович должен был обедать. (П.). Я был записан в Семеновский полк сержантом. (П.).

Что касается форм местоимений и числительных, то они могут быть характеризованы или как формы существительных, или как формы прилагательных, в соответствии с тем, с какими словами они будут соотносительны.

К служебным словам, выражающим синтаксические отношения, относим предлоги, союзы, глагольные связки и отчасти личные местоимения.

---

[1] Формой рода, как известно, обладают только глаголы прошедшего времени.

Предлоги, как известно, реализуются в подчинительных словосочетаниях. Они выражают синтаксические отношения между управляемым существительным (или соответственным местоимением или числительным) и управляющим словом. Предлоги, следовательно, выполняют такую же функцию, как и падежные формы существительных, причем каждый предлог может употребляться только при определенной падежной форме (так, напр., предлог *из* может употребляться только при ф. род. пад., предлог *в* при ф. ф. вин. и мест. пад. и т. д. и т. д.).

Предлоги — такие же звуковые показатели отношений управляемого слова к управляющему, как и флексии существительных. Если отношения управляемого слова к управляющему в предложении „Я покупаю книгу" можно изобразить так

Я покупаю книг-у,

то в предложении „Я поступил в школу" их нужно представить следующим образом:

Я поступил в школ-у.

Здесь предлог „в", так же как и флексия „у", является звуковым показателем отношений двух слов подчинительного словосочетания.

Союзы, как служебные слова, отличаются от предлогов тем, что соединяют слова, связанные между собой на основе сочинения, и тем, что могут соединять не только отдельные слова, но и предложения. В последнем случае союзы могут соединять не только предложения, связанные друг с другом в порядке сочинения, но и предложения, связанные между собой в порядке подчинения.

Союзы соединяют отдельные слова:

Кошевой был умный и хитрый казак (Гог.). Эта детская, но крепкая вера все чаще возникала среди них, все возвышалась и росла в своей могучей силе (М. Г.).

Союзы соединяют предложения, связанные между собой на основе сочинения:

Курчавый след над нами вьется,
Волна с волной ведет игру,
И льется песня краснофлотца,
И молодая свежесть льется,
И вымпел рвется на ветру.
(С. Остр.).

Союзы соединяют предложения, связанные друг с другом в порядке подчинения:

Грянем песню и звонко, и смело,
Чтобы в ней наша сила жила,
Чтоб до самого солнца летела,
Чтоб до самого сердца дошла.
(Леб.-Кум.)

Глагольные связки, входящие в составное сказуемое, тоже можно считать служебными словами, поскольку они соединяют именную часть составного сказуемого с подлежащим:

Зиму и лето барон ходил в больших калошах, чтобы сапоги были целей (Чех.) Петр Михайлыч Ивашин был сильно не в духе (Чех.).

Глагольные связки отличаются от прочих служебных слов тем, что они, теряя свое лексическое значение, сохраняют однако формальные признаки полнозначных слов — глаголов: они сохраняют значение времени, наклонения, вида и т. п.[1]

Личные местоимения тоже в известной мере можно считать служебными словами. Дело в том, что вообще они в предложении являются не столько подлежащими, сколько формальными показателями отношения признака, выраженного сказуемым, к тому или иному лицу речи. Так напр., в предложениях „Я лечу", „Ты летишь", „Он летит" личные местоимения „я", „ты", „он", как и личные флексии глаголов *-у*, *-шь*, *-т* показывают, что действие в первом случае относится к лицу говорящему, во втором—к лицу слушающему, в третьем—к лицу, о котором идет речь.

Почти исключительно формальное значение приобретают личные местоимения тогда, когда они употребляются при сказуемых, выраженных словами, не имеющими личных окончаний: „Я летел", „Ты летел", „Он летел" или „Я инженер", „Ты инженер", „Он инженер", „Я веселый", „Ты веселый", „Он веселый".

Более формальными являются местоимения 1-го и 2-го лица (я, ты, мы, вы), менее формальными местоимения 3-го лица (он, она, оно, они). Это находит свое объяснение в том, что значение местоимений 1-го и 2-го лица сводится только к выражению формального понятия лица речи (говорящего или слушающего), в то время как личные местоимения 3-го лица указывают не только на лицо речи (лицо, о котором говорят): они могут указывать на любой предмет. Вот почему вместо личных местоиме-

[1] Подробнее о глагольных связках см. ниже.

ний 1-го и 2-го лица не может быть употреблено ни одно существительное, в то время как вместо личных местоимений 3-го лица мы можем употребить любое существительное. Следовательно, местоимения 1-го и 2-го лица выступают в предложении прежде всего как формальные показатели отношения признака к лицу речи, а местоимения 3-го лица—прежде всего как подлежащие, а затем уже как формальные слова.

Вопрос о порядке слов как способе выражения синтаксических отношений в русском языке, к сожалению, еще недостаточно изучен. Утверждение, что „порядок слов в русском языке обычно не имеет синтаксического значения",[1] не совсем верно. Еще А. Потебня писал, что „при отсутствии обязательного порядка слов, одно и то же согласование должно дать и простые определения, и приложения, и вторые падежи."[2] И это совершенно правильно. Те или иные синтаксические отношения иногда могут быть выражены только с помощью порядка слов.

Отметим основные случаи, когда порядок слов приобретает синтаксическое значение.

Порядок слов может показывать отношение полного прилагательного к существительному то как определения к определяемому, то как именной части составного сказуемого (присвязочного члена) к подлежащему.

В предложениях:

Было тихое, мглистое утро.
Было сытное, легкое житье.—

прилагательные по отношению к существительным являются определениями.

В предложениях же с измененным порядком слов:

Утро было тихое, мглистое. (А. Т.)
Житье было сытное, легкое. (А. Т.)—

те же прилагательные связаны с существительными как присвязочные члены составного сказуемого с подлежащими.

То же и в следующих случаях:

Ночь была лунная (П.)
День был жаркий (П.)

Ср.

Была лунная ночь.
Был жаркий день.

---

[1] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Русский язык. Учебник для педагогических техникумов. М. 1934, стр. 104.

[2] А. Потебня, ibid. 119.

Если в первом случае прилагательные—присвязочные члены составного сказуемого, то во втором—определения.

Такую же роль играет порядок слов и в следующих случаях:

Под крупным дождем ребятишки бежали
Босые к деревне своей...
(Некр.)

Прилагательное здесь, сливаясь с глаголом, образует вместе с ним так наз. вещественное составное сказуемое, являясь его присвязочным членом. Поставив прилагательное на его обычное место (перед определяемым), мы тем самым лишаем его этой синтаксической функции и ставим его в положение обыкновенного определения: „Под крупным дождем босые ребятишки бежали к деревне своей".

Порядок слов может показывать отношение существительного к существительному то как приложения к определяемому, то как сказуемого к подлежащему.

Словосочетания:

Гражданин Советского Союза Иванов.
Эстрадная артистка Анна Сергеевна Миронова.—

могут представлять номинативные предложения, где существительные „гражданин" и „артистка" должны быть рассматриваемы как приложения.

При измененном порядке слов они могут оказаться в положении сказуемых, если их не обособить:

Иванов—гражданин Советского Союза.
Анна Сергеевна Миронова—эстрадная артистка.

Порядок слов может выражать отношение инфинитива к существительному как присвязочного члена составного сказуемого к подлежащему, если существительное стоит на первом месте, а инфинитив—на втором (хотя не всегда так бывает):

Наш долг—защищать свою родину.
Наше дело было подготовить материалы к предстоящей конференции.[1]

Порядок слов приобретает синтаксическое значение и в случае, если формы двух разных падежей совпадают. Так, напр.,

[1] При обратном порядке этих слов инфинитив может быть синтаксически двузначным. См. А. М. Пешковский. Синт., 248.

в предложении „Бытие определяет сознание“ при совпадении ф.ф. именительного и винительного падежей существительных „бытие“ и „сознание“ порядок слов указывает на то, что первое существительное будет подлежащим (в имен. пад.), второе—дополнением (в вин. пад.) Представитель идеалистической философии, желая выразить противоположное утверждение, построит предложение по-иному, использовав порядок слов как синтаксическое средство: „Сознание определяет бытие“, где подлежащим будет „сознание“, а дополнением „бытие“. Такое же значение имеет порядок слов и в следующих предложеннях: Мать любит дочь, Весло задело платье и т.п.

Порядок слов может иметь синтаксическое значение и в других случаях, но в сочетании с некоторыми дополнительными средствами (интонацией, логическим ударением и др.)[1]. Здесь он уже не имеет того основного, а иногда и решающего значения в выражении синтаксических отношений, какое получает он в рассмотренных выше случаях.

В заключение следует отметить, что порядок слов в современном русском языке имеет огромнейшее стилистическое значение. Еще Греч заметил, что „естественный, или первоначальный“ порядок слов „основан на обыкновенном, естественном ходе мыслей наших“, в то время как измененный порядок „сообразуется с различными движениями души говорящего, коими изменяется порядок естественный“. И далее: „...порядок изменяется, когда надлежит обратить внимание на какую-либо часть предложения в особенности“.[2] С помощью порядка слов мы можем выражать тончайшие оттенки нашей мысли. Однако это уже выходит за пределы синтаксиса русского языка, поскольку явления эти—стилистического порядка.

Интонация гораздо чаще может служить способом выражения синтаксических отношений, чем порядок слов. Иногда она выражает синтаксические отношения в совокупности с другими средствами, иногда же она является единственным способом их выражения.

С помощью интонации могут соединяться как отдельные слова, так и целые предложения.

Ты не плачь,
Не горюй,
Не грусти,—
Горевать молодым не годится.

(В. Вин.)

---

[1] Об этом см. ниже.

[2] Практическая русская грамматика. С.-П., 1834, стр. 389—390.

Здесь интонация соединяет отдельные слова.

Полетит самолет, застрочит пулемет,
Загрохочут могучие танки,
И линкоры пойдут, и пехота пойдет,
И помчатся лихие тачанки.

(Леб.-Кум.)

Выделенные предложения соединяются друг с другом с помощью интонации (остальные предложения связаны союзами; хотя и здесь присутствует особая интонация, но она не является решающим моментом в выражении синтаксических отношений).

Этими замечаниями об интонации как средстве выражения синтаксических отношений можно и ограничиться, поскольку этого вопроса неоднократно придется касаться в связи с рассмотрением других синтаксических явлений.

Как уже отмечено выше, возможны такие случаи, когда лексическое значение слов может указывать на те или иные синтаксические отношения как между отдельными словами, так и между предложениями. В предложениях типа „Котел разбил горшок" (см. выше) или „Горшок разбил котел", „Трамвай разбил велосипед" или „Велосипед разбил трамвай"— единственным способом определения подлежащего и дополнения является лексическое значение слов „горшок" и „котел", „трамвай" и „велосипед" при всяком порядке их.

На определенные синтаксические отношения между предложениями может указывать лексическое значение слов „поезд" и „ему" в следующем бессоюзном сложно-подчиненном предложении.

Поезд шел быстро: ему нужно было наверстать потерянное время.

Второе предложение мы рассматриваем как подчиненное по отношению к первому не только потому, что здесь присутствует особая интонация, но и потому, что в нем есть местоимение (ему), содержание которого может быть раскрыто только словом „поезд"—элементом первого предложения. Поэтому невозможны такие отношения:

Ему нужно было наверстать потерянное время: поезд шел быстро.

Таковы основные и вспомогательные способы выражения синтаксических отношений.

ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как известно, главными членами предложения мы называем подлежащее (субъект) и сказуемое (предикат), т. е. то исходное образование, в котором осуществляется акт предицирования, утверждения, следовательно, выражения нашей мысли. Это те слова, которые организуют вокруг себя и в смысловом и в грамматическом отношении все второстепенные члены предложения, представляя вместе с ними одно синтаксическое целое.

Подлежащее и сказуемое—это предикативное, следовательно, расчлененное словосочетание, выражающее не одно понятие, как непредикативное словосочетание, а два: понятие о предмете и понятие о признаке. В предикативном словосочетании указывается на то, что признак приписывается, адресуется предмету (см. выше).

Отсюда и следует исходить при определении подлежащего и сказуемого.

Подлежащее—это абсолютно самостоятельное слово[1] в предложении, выражающее такой предмет, которому приписывается, адресуется какой-либо признак, выраженный сказуемым. Подлежащее, следовательно, выражает предмет, о котором что-либо утверждается.

Сказуемое, наоборот,—это такое несамостоятельное (подчиненное) по отношению к подлежащему слово, которое выражает признак, приписываемый, адресуемый нами тому предмету, который находит свое выражение в подлежащем. В сказуемом заключается то или иное утверждение по поводу предмета, выраженного подлежащим.

При свете трепетном луны,
Сразились витязи жестоко;
Сердца их гневом стеснены,
Уж копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровию покрыты,
Щиты трещат, в куски разбиты...
(П.)

Словосочетания „витязи сразились“, „сердца стеснены“, „копья брошены“, „мечи раздроблены“, „кольчуги покрыты (кровию)“, „щиты трещат“, „щиты разбиты“—предикативные. Первое слово

[1] См. выше.

каждой пары (витязи, сердца, копья и т. д.) является в смысловом и грамматическом отношении абсолютно самостоятельным, независимым от другого слова. Оно выражает предмет, которому приписывается признак, выраженный вторым словом каждой пары (сразились, стеснены, брошены и т. д.). Второе слово каждой пары по отношению к первому является несамостоятельным, подчиненным ему и выражает признак, который приписывается предмету, обозначенному первым словом каждой пары. В словах „сразились", „стеснены", „брошены" и т. д. заключается утверждение по поводу предметов, обозначенных словами „витязи", „сердца", „копья" и т. д. Отсюда видно, что слова „витязи", „сердца", „копья", „мечи", „кольчуги", „щиты"— подлежащие, а слова „сразились", „стеснены", „брошены", „раздроблены", „покрыты", „трещат", „разбиты"—сказуемые.

Сказуемое может выражать признак активный, т. е. такой, который производится предметом, обозначенным подлежащим, и пассивный, т. е. такой, который пассивно пребывает в предмете, независимо от его деятельности. В первом случае предмет, выраженный подлежащим, будет представляться нам как активный, создающий, производящий свой признак; во втором, наоборот,—пассивным обладателем его.

В предложениях:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют. (П.) —

сказуемые (кочуют, ночуют) выражают активные признаки (действия), производимые деятельностью предметов, обозначенных подлежащими (цыганы, они).

Активные признаки могут приписываться не только так наз. одушевленным, но и неодушевленным предметам. Последние в таком случае, как и одушевленные, представляются как активные предметы, как предметы, производящие свои признаки:

Каждый камень под ногою
Вспоминает о былом:
Помнит Зимний залп Авроры
И шагов победный гром.
Помнит Смольный дым костровый,
Блеск кронштадтского штыка.
Помнит площадь у вокзала
Тяжкий ход броневика.

(Е. Рыв.)

В таких же предложениях, как

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь (Некр.)—

сказуемые выражают пассивные признаки, а подлежащие—предметы, пассивно обладающие этими признаками.

Перейдем к выражению подлежащего и сказуемого.

Обычным и самым распространенным способом выражения подлежащего следует считать выражение его с помощью существительных. Это и понятно: ведь только существительные выражают предметы в собственном смысле, только они предполагают вопрос кто? или что? А это, следовательно, то, что соответствует значению подлежащего.

Подлежащее выражает самостоятельный, независимый предмет. Последний же может предполагать только вопрос кто? или что? Отсюда следует, что существительное, выступающее в роли подлежащего, может быть употреблено только в форме именительного падежа.

Несколько примеров:

Между колесами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
(П.)

Полетит самолет, застрочит пулемет,
Загрохочут могучие танки,
И линкоры пойдут, и пехота пойдет,
И помчатся лихие тачанки.
(Леб.-Кум.)

Подлежащее может быть выражено количественно-именным сочетанием, в состав которого могут входить количественные числительные или такие слова, как мало, много, несколько, множество, часть и т. п. и родительный падеж существительных:

Три девы, красоты чудесной,
В одежде легкой и прелестной

Княжне явились, подошли
И поклонились до земли.
(П.)

Эти три недели были счастливейшим временем в моей жизни (Тург.). Сто-шестьдесят три человека ушли в ночную темноту (Н. Остр.). Прошло много лет (Тург.). Множество пчел, ос и шмелей дружно гудит в густых ветвях акации (Тург.). Несколько повозок с грязными армяками выехало на двор гостиницы... (Лерм.).

В таких случаях числительные и слова много, множество и т. п. выражают только количественные отношения предметов, материальная же сторона подлежащего находит выражение в родительном падеже существительного.

Подлежащее может представлять сочетание „существительное в именительном падеже + существительное в творительном падеже с предлогом с“:

Клычков с Чапаевым разъехались по флангам... (Фурм.). Вечером Раевский с сыном осторожно подошли к своему дому (Н. Остр.). Дед с матерью шли впереди всех (М. Г.).

Такие подлежащие соответствуют слитным подлежащим, состоящим из двух именительных (Клычков с Чапаевым = Клычков и Чапаев), хотя полного тождества здесь и не будет.

Довольно часто в роли подлежащих функционируют местоимения, соотносительные с существительными.

Особо должны быть отмечены подлежащие, выраженные личными местоимениями 1-го и 2-го лица. Как известно, местоимения со значением первых двух лиц наиболее формальны по своей природе. Они выражают формальное понятие лица речи, совпадающее со значением личных окончаний глаголов, и не могут быть заменены никакими существительными. Поэтому они слабо сознаются нами как подлежащие.

Признаться вам, я в пятистопной строчке
Люблю цезуру на второй стопе.
(П.)

Все кажется мне, будто в тряском беге
По мерзлой пашне мчусь я на телеге.
(П.)

Не бойтесь, мы не будем слишком строги.
(П.)

„Друг,—молвил Клавдио,—молю, не откажи:
Сходи ты в монастырь к сестре моей“.
(П.)

И милость нежная твоими дхнет устами,
И новый человек ты будешь.
(П.)

Во всех этих случаях личные местоимения выражают, собственно, то, что выражают и сочетающиеся с ними глаголы своими личными окончаниями. Поэтому личные местоимения свободно можно опустить, и это нисколько не отразится на полноте выражения мысли (ведь формальное понятие лица речи остается выраженным личными окончаниями глаголов). Этим объясняется то, что в русском языке при глаголах 1-го и 2-го лица личные местоимения нередко опускаются:

Не стану их надменно браковать
Как рекрутов, добившихся увечья,
Иль как коней, за их плохую стать,—
А подбирать союзы да наречья.
(П.)

Скажу, рысак! Парнасский иноходец
Его не обогнал бы.
(П.)

Вижу как теперь
Светелку, три окна и дверь.
(П.)

Анжело. Поймешь: люблю тебя.
(П.)

Грянем песню и звонко, и смело,
Чтобы в ней наша сила жила...
(Леб.-Кум.)

Как бы ни были часты случаи опущения личных местоимений при глаголах 1-го и 2-го лица, все же они чаще употребляются в современном русском языке. Возможно, что это связано с обязательным употреблением их при сказуемых, выраженных словами, не обладающими личными формами. Имеются в виду такие случаи, как

Дни три тому, туда ходил я вместе
С одним знакомым перед вечерком.
(П.)

И табор свой с классических вершинок
Перенесли мы на толкучий рынок.
(П.)

Ты богат — я очень беден,
Ты прозаик — я поэт.
(П.)

Гораздо чаще местоимения-подлежащие отсутствуют при повелительных формах глагола, и это уже считается нормой для русского языка:

Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел;—о с т а в ь же нас,
П р о с т и! да будет мир с тобою.
(П.)

П о с л у ш а й, расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
(П.)

У т е ш ь с я, друг; она дитя,
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
В з г л я н и: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
(П.)

Л е й с я, песня, на просторе,
Н е с к у ч а й, н е п л а ч ь, жена,
Штурмовать далеко море
Посылает нас страна.
(А. Ап.)

Будешь ехать через поле —
П о л ю б у й с я чистотой,
П о с м о т р и, как гнется долу
Буйный колос золотой.
(А. Ис.)

Только в особых случаях могут быть личные местоимения при повелительных формах глагола.[1]

Все остальные местоимения, в том числе и личные местоимения 3-го лица, более ярко сознаются как подлежащие, потому что их значение сводится прежде всего если не к выражению предметов, то к указанию на них:

К т о привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
„К т о весел—т о т смеется,
К т о хочет—т о т добьется,
К т о ищет—т о т всегда найдет".
(Леб.-Кум.)

---

[1] См. А. М. Пешковский. Синт., стр. 168—169.

Все, чем теперь сильны мы и богаты,
Все, чем отныне Родина горда, —
В жарких сраженьях с боем нами взято,
Славой народа стало навсегда.
(А. Жар.)

Что было—прошло и назад не вернется...
(С. Ал.)

Еще секунда—и он улетит.
(Чех.)

Подлежащее может быть выражено сочетанием „именительный падеж местоимения + творительный падеж местоимения с предлогом „с“:

Вот мне и хочется посмотреть, сумели ли мы с вами завести такой порядок, какой нужно. (Черн.)

Может быть и сочетание местоимения и существительного:

Мы с женой слышали, как ты сыграл вчерашнюю песнь. (Тург.)

Количественные числительные, как известно, легко могут быть употреблены в значении предметных слов, так как они могут обозначать отвлеченное понятие числа (как и некоторые существительные: пятерка, десятка и т. п.). Поэтому количественные числительиые довольно часто употребляются в роли подлежащих:

Пусть, например, надо составить уравнение, у которого корни были бы числа два и три. Подобно этому найдем, что три и минус семь будут корни уравнения.[1]

Все остальные части речи тоже могут выступать в роли подлежащего, но при условии, что они будут употреблены в значении предметных слов (существительных).

Особо должны быть отмечены прилагательные, временно получающие предметное значение. О прилагательных, окончательно перешедших в существительные, здесь не может быть речи, потому что они должны рассматриваться как предметные слова.

В выражении подлежащего прилагательными можно отметить два случая:

1) Прилагательное употребляется в роли подлежащего потому, что опущено существительное. Оно выполняет функции

[1] Из учебника А. Киселева. Алгебра (для неполной средней и средней школы).

подлежащего потому, что замещает собой, хотя и временно, существительное.

В таком же положении, ясно, могут быть и причастия, а также некоторые местоимения и числительные, которые вообще способны выполнять такие же функции, как и прилагательные.

По горной тропинке с трудом пробирались три спутника. Один был высокий, другие среднего роста. Высокий шел впереди. Он лучше знал дорогу. Это был проводник, а шедшие за ним—туристы. Все трое опирались на длинные палки с остриями на концах.[1]

2) Прилагательное употребляется в роли подлежащего потому, что оно вообще стоит на пути субстантивации, т. е. перехода в разряд существительных. Выступая в роли подлежащего в данном предложении, в других предложениях оно может выполнять свои обычные функции определения. Пропуск существительного, которое могло бы быть подлежащим, здесь не сознается:

Кухарки у богатых бывают, у купцов: а бедные—сами стряпают (Тург.). Ср. Бедные люди! Как они живут?

В таком же положении может быть и причастие:

Председательствующий, дозвонившись до тишины, дал слово Мартову (А. Т.). Ср. Председательствующий Иванов...

Функции подлежащего может нести и инфинитив. Но ясно, что в таком положении он не может ярко сознаваться как подлежащее, потому что по природе своей не является предметным словом: он выражает не опредмеченное действие, а действие, только отвлеченное от деятеля. Инфинитив в таком синтаксическом положении можно было бы назвать заместителем подлежащего, а не настоящим подлежащим.

Управлять броненосцем из центрального поста оказалось делом очень трудным (Н.-Пр.). Изводить сестру было для него большим удовольствием (Шол.). Проводить целые часы в его обществе, быть с ним наедине, слушать его рассказы—стало для меня истинным наслаждением (Тург.).

[1] Из „Грамматики русского языка“ проф. С. Г. Бархударова (ч. II, 1938).

В роли заместителя подлежащего могут быть и другие непредметные, в том числе и неполные, слова:

„Завтра“ не будет похоже на „сегодня“ (Гонч.). Это „не хочу“ поразило Антона Прокофьевича (Гонч.). Прокатилось, то ухая, то нарастая, „ура“ (Перв.). Чаще и чаще среди монотонной трескотни, тревожа неподвижный воздух, раздается чье-то удивленное „а—а!“ и слышится крик неуснувшей или бредящей птицы (Чех.).

Он очи полные слезами
Порой кидает на того,
Кто все на свете для него,
Кому надежды жизни милой
Готов он в жертву принести,
И чье последнее „прости“
Его бы с жизнью разлучило.
(Лерм.)

Так может выражаться подлежащее в современном русском языке.

Изучая выражение сказуемого, следует различать простое, или глагольное, сказуемое и сказуемое составное, или связочное.

Простым называется сказуемое, выраженное глаголом изъявительного, условного или повелительного наклонения. Несколько примеров:

Цветет, поднимается край наш огромный,
Горячее солнце над нашим путем.
Мы Ленина любим,
Мы Ленина помним,
Мы Ленину славу поем.
(А. Чурк.)

Лети, наша песня,
Кружись над водой,
Сияй, наша слава,
Бессмертной звездой.
(И. Френк.)

Как бы штормом волну ни носило,
Как бы море ни било волной —
Нас на вахту ведет Ворошилов,
С нами Сталин,
Страны рулевой.
(С. Остр.)

Уже из приведенных примеров видно, что простые сказуемые выражают исключительно активный признак, т. е. признак,

представленный как действие, производимое деятельностью предмета. Это придает речи особую живость, энергичность, смысловую интенсивность. Все это объясняется тем, что простое сказуемое выражается такими формами, которые по природе своей являются специальными выразителями активного признака (действия, процесса). Здесь глагольность и предикативность (сказуемость) как будто совпадают, и это, кстати, дало повод некоторым ученым вообще отождествлять эти два понятия, что совершенно неправильно. Ведь явление предикативности, как нам известно, принципиально отлично от явления глагольности. Поэтому, как было сказано, предикативность может быть выражена не только глаголами, но и другими словами.

Составным, или связочным, сказуемым называют такое сказуемое, которое состоит из глагольной связки и присвязочного (предикативного) члена.

Глагольная связка — это глагол, утративший свое лексическое (вещественное) значение и сохраняющий только формальные глагольные признаки (время, вид, наклонение и т. д.). Потеряв лексическое значение, такой глагол, само собой разумеется, не в состоянии самостоятельно выразить предикативность. Он нуждается в какой-то посторонней помощи и требует того, чтобы мы присоединили к нему слово, имеющее лексическое, значение. Такое слово и называют присвязочным, или предикативным, членом. Следовательно, присвязочным членом мы можем назвать такое полнозначное слово, которое выражает лексическую (вещественную) сторону сказуемого. Сравним такие предложения:

1. Отец был в школе — Отец был учителем.
2. Завод стал — Петя стал прилежным.

Сравнивая предложения первой пары друг с другом, мы замечаем, что в первом из них „Отец был в школе“ глагол „был“ сохраняет всю силу своего лексического значения, и поэтому он самостоятельно выражает предикативность („был“ — простое сказуемое). „Был в школе“—это значит „находился“, „существовал“, „наличествовал“ в указанном месте. Глагол „был“ сохраняет здесь свое значение бытия, существования. Во втором же предложении „Отец был учителем“ глагол „был“ теряет это значение и сохраняет только формальные признаки (время, вид, наклонение, число, род). Он, таким образом, превращается здесь в связку и самостоятельно не может выступать в роли сказуемого. Поэтому слово „учителем“ должно взять на себя роль присвязочного члена и выразить вещественную сторону

сказуемого. Сказуемым здесь, следовательно, является не „был", как в первом случае, а „был учителем". Это и есть составное сказуемое.

То же и во второй паре предложений. В предложении „Завод стал" слово „стал" — простое сказуемое: „стал" не теряет вещественного значения („стал" значит „остановился", „приостановил работу"). В предложении же „Петя стал прилежным" глагол „стал" теряет лексическое значение, а слово „прилежным" становится присвязочным членом. „Стал прилежным" значит проявил известный признак. Это сочетание представляет собой составное сказуемое.

Таким образом, в составном сказуемом мы наблюдаем, так сказать, распределение труда. Если в простом сказуемом и лексическое и формальное значение выражены одним словом, то в составном сказуемом одно слово (связка) берет на себя функцию выразителя формального, грамматического значения, а другое (присвязочный член)—функцию выразителя лексического, вещественного значения.

Остановимся сначала на типах глагольных связок, а затем на типах присвязочных членов.

Все глагольные связки по степени их отвлеченности (а следовательно и конкретности) обычно делят на 1) отвлеченные, 2) полуотвлеченные и 3) конкретные.

К отвлеченным связкам мы относим прежде всего глагольную связку быть. Исключительная отвлеченность этой связки определяется вообще исключительной отвлеченностью глагола быть. Ведь глагол быть самый отвлеченный из всех глаголов: он выражает бытие, существование — самое отвлеченное понятие действия, процесса. Можно сказать, что глагол быть в известном смысле иррационален: он выражает всякое действие (ведь всякое действие есть проявление бытия) и в то же время конкретно не называет ни одного.[1] Глагол быть легче других глаголов теряет свое (отвлеченное) значение и превращается в самую отвлеченную глагольную связку, в наибольшей степени приобретая черты служебного слова.

Следует обратить внимание на одно любопытное явление: формы прошедшего времени от глагола быть по сравнению с формами будущего времени имеют более отвлеченное значение. В своем труде „Из записок по русской грамматике" Потебня писал, что „в относительно позднее время бы-буд- теряет значение werden, для выражения которого начинают упо-

[1] Совершенно не случайно Миклошич высказал мысль, что „die abstracten verba verhalten sich zu den concreten wie die pronomina zu den nomina" Fergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Syntax. Wien. 1883. Стр. 262.

требляться другие глаголы (напр. русск. стану, стать) и получает значение „бытия“ (sein), что дает основание обычному соединению его с є с в один глагол“[1]. Что бы- и буд- потеряли значение werden, в этом сомневаться не приходится. Но эта потеря, следовало бы добавить Потебне, не в одинаковой мере осуществилась в формах прошедшего и в формах будущего времени: если бы-(прошедшее время)—это sein, то буд-(будущее время)—sein плюс нечто от глаголо werden, если бы- имеет, так сказать, значение чистого бытия, то буд- значение бытия плюс начала проявления его. Именно эта прибавка (значение начала проявления бытия) и придает формам будущего времени от глагола быть более конкретное значение по сравнению с формами прошедшего времени.

Такое различие в степени отвлеченности форм прошедшего и форм будущего времени в равной степени касается как полнозначных глаголов (не связок), так и соответственных глагольных звязок. Ср.

Был веселый—буду веселый.

„Был веселый“ значит являлся пассивным носителем признака. Связка „был“ указывает на пассивное бытие, пребывание признака в предмете. „Буду веселый“—это значит проявлю, произведу признак. Связка „буду“ указывает не только на бытие признака, но и на начало проявления этого бытия.

К отвлеченным связкам причисляем и связки есть, суть, бывшие формы 3 л. глагола есмь. Они так же отвлеченны, как и формы прошедшего времени глагола-связки быть. Связки есть и суть редко употребляются в современном русском языке. Если они встречаются, то главным образом в научном, деловом языке. При этом следует отметить, что есть может употребляться при всех трех лицах: я есть человек, ты есть человек, он есть человек.

Если связки в форме прошедшего времени указывают на прошедшее время, а в форме будущего времени на будущее, то связки есть и суть указывают на настоящее время. Однако обычным способом выражения настоящего времени в современном языке является отсутствие связки. Отсутствие связки принято называть нулевой связкой. Нулевая связка, следовательно, имеет такое же формальное, грамматическое значение, как и все остальные связки. Ср.

Я был веселый—я буду веселый—я веселый.
Ты был учителем—ты будешь учителем—ты учитель.

[1] Стр. 128.

Сказуемые с нулевой связкой также принято называть составными, или связочными.

Отсутствие связки в таких случаях, как „я веселый", „ты учитель" нельзя мотивировать ее опущением. Никто никогда ее не опускал и не опускает. Тем более нельзя говорить, как это обычно наблюдается в практике школьного преподавания грамматики, что связка в таких сочетаниях подразумевается: ведь если бы это было действительно так, то мы должны были бы считать предложения рассматриваемого типа неполными, в то время как никто не осмелится утверждать это. Дело в том, что наряду со сказуемыми с глагольной связкой исконно существовали и сказуемые бессвязочные.[1] И если мы их и причисляем теперь к глагольным, или связочным, сказуемым, то весьма условно.

К полуотвлеченным, или полувещественным, связкам мы относим такие связки, как стать, становиться, ставаться, казаться, оказываться, являться, очитаться, делаться и нек. др.

Термины „полуотвлеченные" и особенно „полувещественные" связки не совсем точны и могут вводить в заблуждение. Может показаться, что эти связки, как это обычно и принято считать, в какой-то мере сохраняют лексическое (вещественное) значение и этим отличаются от отвлеченных связок. Что связки этого типа конкретнее связок первого типа — в этом не может быть никакого сомнения. Но значение большей конкретности полуотвлеченных связок определяется не лексическим значением, потому что они теряют его полностью так же, как и отвлеченные связки, а чем-то другим.

Глагольные связки и первого и второго типа по отношению к соответственным глаголам-несвязкам в одинаковой мере будут отвлеченными, невещественными, потому что они теряют все свое лексическое значение—значение конкретных действий, Наглядно это можно показать следующим образом. Если глагольные связки типа стать, становиться и т. п. обозначим буквой a, соответственные им глаголы-несвязки — буквой $в$, глагольные связки был, буду — буквой a^{l}, а соответственные им глаголы—буквой $в^{l}$, то можно вывести такую формулу:

$$\frac{a}{в} : \frac{a^{l}}{в^{l}}$$

Отсюда видно, что и отвлеченные и полуотвлеченные связки по отношению к соответственным полнозначным глаголам

[1] См., напр., Шахматов. Синт., в. II, стр. 49, 167.

(несвязкам) одинаково отвлеченны, невещественны. Отсюда делаем и второй вывод: полуотвлеченные связки стать, становиться и т. п. конкретнее отвлеченных связок был, буду, как и полнозначные глаголы стать, становиться и т. п. более конкретны, чем полнозначные глагоды был, буду, т. е.

$$\frac{а}{а'} = \frac{в}{в'}$$

Будучи вообще более конкретными, чем глаголы был, буду, глаголы типа стать, становиться и т. п. сохраняют свою конкретность и при переходе в связки, точнее: они сохраняют только идею конкретности, но не конкретное, индивидуальное свое значение. Эту идею можно назвать идеей проявления признака, признака, который выражен предикативным членом составного сказуемого, ибо сами полуотвлеченные связки никаких признаков не выражают.

В этом смысле, собственно, и можно назвать связки типа стать, становиться и т. п. полуотвлеченными. Термин же „полувещественные" нельзя применить и в таком значении.

Все это можно проследить на фактах живой речи:

Девушка была веселая — значит являлась пассивным носителем определенного признака.

Девушка стала веселая — значит проявила, обнаружила свой признак (значение проявления признака налицо!).

То же и в следующих примерах:

Стал удивительно прост и искренен... (М. Г.
Ср. Был удивительно прост и искренен.
Девушки стали любознательны. (Черн.)
Ср. Девушки были любознательны.

Конкретные, или вещественные, связки занимают особое положение. Дело в том, что связками в обычном смысле назвать их нельзя, потому что в составном сказуемом они выступают в почти полном своем значении. Каждая связка сохраняет индивидуальные черты полнозначного глагола. Тем не менее предикативность она выражает не сама, а вместе с другим словом, называемым присвязочным членом.

Какие же глаголы способны выступать в роли конкретных, или вещественных, связок?

Сюда относим:

1) Глаголы со значением движения:

Он возвратился усталый (Тург.). Однажды он сердитый встал... (Некр.). Позвали Надиньку, она явилась бледная и неловкая (П.). Ниловна пришла домой веселая (М. Г.). И шла сейчас красивая, статная... (А. Т.).

2) Глаголы со значением состояния:

Владимир, в думу погружен, у ног ее стоял унылый (П.). Лежит он мертвый в чистом поле... (П.). Я взглянула: отец лежит бледный и недвижный (П.). Раза два он фыркнул, а после этого несколько минут сидел надутый, стараясь быть более солидным (М. Г.).

Глаголы со значением движения чаще выступают в роли конкретных связок, чем глаголы со значением состояния.

И первая, и особенно вторая группа глаголов с точки зрения их лексического значения ограничены. Наиболее часто в значении конкретных связок употребляются такие глаголы, как возвратиться, встать, явиться, идти, придти, приехать, воротиться, вернуться, отправиться, бродить, скитаться, лежать, стоять, сидеть и нек. др.

Есть несколько глаголов, которые нельзя отнести ни к первой, ни ко второй группе. Это такие глаголы, как родиться, утонуть, прожить и нек. др.

— У меня — двое было.— Один, двухлетний, сварился кипятком, другого не доносила, мертвый родился (М. Г.).

— Дюжинцев этот с рыбою-то совсем пьяный утоп (Усп.). Всю ты жизнь прожила нелюбимая... (Некр.).

Все остальные глаголы не могут употребляться в роли конкретных связок. Сюда относим:

1) Глаголы со значением бытия, существования. Эти глаголы после присоединения к ним присвязочных членов превращаются в отвлеченные связки.

2) Глаголы со значением внутренних ощущений и переживаний человека. Сюда включаем такие глаголы, как радоваться, сердиться, дышать и т. п.

3) Глаголы, обозначающие такие действия, которые можно отнести к области умственных восприятий: видеть, понимать, воспринимать, осязать, слышать и т. п.

4) Глаголы со значением явлений природы: греметь, бушевать, разливаться, сверкать, гореть и т. п.

5) Глаголы со значением физических действий, которые направляются нами на предметы объективного мира: пилить, рубить, ковать, возить, возбуждать, бросать и т. п.

6) Глаголы со значением начала и конца действия: начать, кончить. Сюда же можно причислить и глагол перестать.

При конкретных, или вещественных, связках в качестве присвязочных членов могут употребляться только прилагательные, причем исключительно качественные, а если и относительные, то употребляемые в качественном смысле (в полной и краткой форме). Иногда в качестве присвязочных членов могут употребляться и причастия.

Сказуемое, которое образуется конкретными, или вещественными, связками и прилагательными (или причастиями), называют вещественным составным сказуемым.

Кроме отмеченных трех основных типов глагольных связок, есть связки, занимающие промежуточное положение между полуотвлеченными и конкретными связками. Это такие связки, как мочь, желать, стараться, силиться, решиться и т. п.

От полуотвлеченных связок они отличаются большей конкретностью. Если полуотвлеченные связки заключают в себе только идею проявления признака, то связки промежуточного типа могут иметь более конкретные значения: значение, напр., возможности, или желания, или стремления и т. п. От конкретных связок они отличаются большей отвлеченностью. Конкретные связки, как известно, имеют значение конкретных действий. Промежуточные, наоборот, никаких действий не выражают: они только указывают или на возможность действия, или на стремление или желание осуществить его и т. д.

При связках промежуточного типа в роли присвязочных членов могут употребляться только инфинитивы:

Она не могла не сознаться в том, что она ему очень нравилась (П.). Он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения (П.).

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать...
(П.)

Перейдем к выражению присвязочных членов составного сказуемого.

Присвязочные члены составного сказуемого в современном русском языке могут выражаться: 1) краткими прилагательными, 2) полными прилагательными в именительном падеже, 3) полными прилагательными в творительном падеже, 4) краткими страдательными причастиями, 5) существительными в именительном падеже, 6) существительными в творительном падеже, 7) существительными в разных косвенных падежах с предлогами и без предлогов, 8) наречиями, 9) сравнительными формами, 10) инфинитивами, 11) действительными причастиями, 12) полными страдательными причастиями, 13) деепричастиями, 14) местоимениями и числительными, 15) неполными словами.

Краткие прилагательные характеризуются тем, что они выражают предикативность своею грамматической формой. Они не нуждаются, как некоторые другие слова, в каких-либо вспомогательных средствах, ибо сама грамматическая форма их предикативна. В современном русском литературном языке краткие прилагательные специализировались исключительно в предикативной функции и в роли определений не употребляются.

Краткие прилагательные могут употребляться при связках: отвлеченных, полуотвлеченных и конкретных:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...
(П.)

Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид...
(П.)

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубравы,
Журчанье тихого ручья...
(П.)

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц...
(Некр.)

Князья и витязи кругом
Стоят унылы.
(П.)

Так же свободно и довольно часто они употребляются и без связок:

На суше, на море—
Всегда краснофлотцы сильны.
(Леб.-Кум.)

Артиллеристы! Точней прицел!
Разведчик—зорок, наводчик—смел!
(Леб.-Кум.)

Разобьем мы вражьи стаи,
Разметаем их полки.
Мы в боях еще покажем,
Что остры у нас клинки.
(А. Ис.)

В древнерусском языке краткие прилагательные очень часто употреблялись не только в роли присвязочных членов составного сказуемого, но и в роли определений:

Прислалъ въ Ригоу своего лучьшего попа Ерьмея и съ нимь оумьна моужа Пантелья (Грам. 1229 г.). Оттоле крамола преста въ роуськѣ земли (Сказ. о Б. и Г.). Видеша светъ и свеще в пусте месте (Там же). Велику честь приялъ от царя. (Летоп. 1377 г.). Оуже бо брате стоукъ стучить, и громъ гремить в славне городе Москве (Задон.). Седлай брате Ондреи свои борзи комони (Там же).

Как пережитки, употребление кратких форм в значении определений находим в произведениях устного народного творчества:

На том ли черленом на корабле
Середи корабля стоит зелен чердак,
Зелен чердак муравленый.
(Соловей Будимирович)

Звеселяет государыню он матушку,
Молоду Ульяну Васильевну.
(Там же)

„Ай же, ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Уйми ты свое детище любимое".
(Василий Буслаев)

Заводил Василий у себя почестен пир,
Почестен пир на двенадцать дней.
(Там же)

В литературном языке поэтических произведений краткие прилагательные в таком положении довольно часто встречаются не только в XVIII, но и в XIX веке. Окончания полных прилага-

тельных, особенно в XVIII в., совершенно свободно отсекались в угоду ритму и рифме стиха. Такое употребление кратких прилагательных у некоторых писателей следует считать искусственным, не вытекавшим из грамматической природы русского языка того времени:

Ни мужеск пол богов, ниже богинь пол женский
Закон мой преступить да не дерзает...
(Лом.)

Лил кубки мед златый, древ искрометный сок,
И с Дона сладкия и Крымски вкусны вина...
(Держ.)

И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ея заслуги.
(Лом.)

И купно века бы драгого
Катилися часы златы.
(Держ.)

Чрезмерно свободное обращение с грамматическими формами приводит к таким неуклюжим и неудобопроизносимым сочетаниям, как

Славяно-русско-сербско царство —
Один со венгром исполин...
(Держ.)

В современном же языке краткие формы, повторяем, выполняют исключительно предикативную функцию[1].

Полные прилагательные отличаются от кратких тем, что они не имеют специально предикативной формы. В своей единственной полной форме они могут употребляться и в роли определения, и в роли присвязочного члена составного сказуемого. В древнерусском языке полные прилагательные, как правило, употреблялись в роли определений. В предикативном значении они употреблялись спорадически.[2] Но уже с XVI в. и особенно XVII в. процесс перехода полных прилагательных в разряд слов, способных к предицированию, получает некоторый размах. Так, напр., в „Домострое“ находим около 10 полных прилага-

---

[1] Краткие притяжательные прилагательные исключаются: они могут быть и определениями и присвязочными членами составного сказуемого.

[2] Къто бо не въсплачеться съмьрти тое пагоубное приводя предъ очи сердца своего образ бо бяше оунылъи его възоръ (Сказ. о Б. и Г.). И видевъ възбьноувъ рано яко годъ есть уотрьнии (ів.). Орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, чають победоу на поганыхъ, аркучи так: земля еси русская (Задон.).

тельных в предикативной функции (на 150—160 кратких), что составляет около 6%. Более высокий процент падает на полные прилагательные в одном из памятников XVII в. — „О России в царствовании Алексея Михайловича" Котошихина (более 30%). Несколько примеров:

А коль пир б о л ь ш о й, ино всюды самому дозирати, и в поварне и в хлебне (Дом.). А толко которое питье тронулося, окисло, или поплесневело,—ино то, по малым судом растачивати, да то борзо изведет; а которое с в е ж е е, вдаль блюсти, и вполне держати (Дом.). Аества и питье, и платье нарядное, б ы в а е т все б о я р с к о е; а на сторону в-ыные дворы девиц и вдов замуж не выдают, для того, что те люди у них, мужской и женский пол, в е ч н ы е и к а б а л ь н ы е (Кот.). А служба их к о н н а я и п е ш а я...! (ibid).

В XVIII в. употребление полных прилагательных в предикативном значении приобретает более или менее регулярный характер, хотя этому и мешает слишком свободное обращение с грамматическими формами в языке поэтических произведений:

И на том отнюдь не стал,
Зная, что есть он н е п р а в ы й.
(Тр.)
О! коль тогда я был з л о щ а с н ы й.
(Тр.)
Однако, ты б у д ь т е р п е л и в ы й.
(Тр.)
О! з л о п о л у ч н ы й я...
(Тр.)
Хотя он у людей б ы л в жизнь свою п р е з р е н н ы й,
По смерти в ентаре у них стал д р а г о ц е н н ы й.
(Лом.)
И нет подобия мученья моего:
Не столько з л о й Борей, когда реветь дерзает,
Не столько жесток волк, как овцу он терзает...
(Сум.)

Но постеля моя б ы л а н е п у х о в а я, долго нежиться не позволила (Рад.). А если бы взыскание по векселям н е б ы л о столь с т р о г о е? (Рад.)

XIX в., так же как и наше время, характеризуется усилением предикативной роли полных прилагательных. У некоторых писателей в отдельных произведениях процент полных прилагательных, употребляемых в предикативном значении, по отношению

к общему количеству прилагательных (и полных и кратких) в том же значении, достигает рекордной цифры. Так напр., в поэме Некрасова „Кому на Руси жить хорошо" он равен, приблизительно, 38%, в романе М. Горького „Мать"—41%, в „Ревизоре" и „Женитьбе" Гоголя—47%.

Все это доказывает, что нужно навсегда отказаться от того взгляда, что употребление полных прилагательных в предикативном значении якобы является нелитературным. Многие составители русских грамматик, утверждавшие право на предикативное функционирование только за краткими формами, далеко отставали от жизни языковых явлений[1].

Полные прилагательные, как и краткие, могут употребляться при всех связках, кроме связок промежуточного типа: при отвлеченных, в том числе и при так наз. нулевой, полуотвлеченных и конкретных:

— Да нет, барин,— сказала она, притворяясь испуганной, полузастенчивой,—боюсь: она, вишь, такая злая, опять кинется (П.). Она больная, капризная, нежная. (П.). Бывало барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает (П.). Кровь-то молодая: закипит — не шутка (Некр.). Рука была толстая, с короткими пальцами, покрыта желтой шерстью (М. Г.). Житье было сытное, легкое... (А. Т.). С тех пор я жалостливая стала...(Тур.). Он для меня такой близкий стал... (М. Г.). Ты мрачная стала такая (Некр.). Скитался он иссохший, бледной... (П.). Спи, мать моя, спи себе на здоровье,— отвечала Поводова,— да смотри: воротись у меня с Кавказа румяная, здоровая.. (П.).

При полуотвлеченных связках полные прилагательные употребляются реже, чем при связках отвлеченных и вещественных. Полуотвлеченные связки предпочитают краткие формы.

---

1 См., напр, Anfangs-Gründe der russischen Sprache. Приложение к Teutsch und Russischen Lexicon. С.-П., 1731, стр. 11. Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою Академиею, 1802, стр. 82-83. Новейшее начертание правил российской грамматики на началах всеобщей основанных, сочиненное Иваном Орнатовским, Харьков, 1810, стр. 93. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. С.-П. 1834, изд. 2-е, стр. 77. То же и в его „Пространной грамматике, т. I, С.-П. 1827, стр. 180, 193—4. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. С.-П. 1831, стр. 53. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым Отделением Императорской Академии Наук, изд. 3-е, С.-П. 1854, стр. 186. Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. С.-П. 1850, стр. 18.

Так как грамматическая форма полных прилагательных непредикативна, то, естественно, возникает вопрос: чем же создается предикативное значение полных прилагательных?

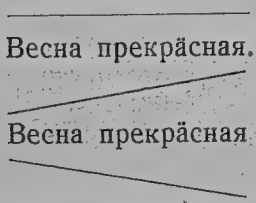
Предикативное значение полных прилагательных создается целым рядом вспомогательных средств. Они следующие.

I. Порядок слов. Прилагательное, будучи поставлено на необычное для него место (после определяемого существительного) приобретает черты предикативного слова:

Весна прекрасная (ср. Прекрасная весна).
Жизнь веселая (ср. Веселая жизнь).
Дни радостные (ср. Радостные дни).

Конечно, один порядок слов не всегда решает вопрос о синтаксической роли прилагательных. Необходимо учитывать и другие моменты, о которых пойдет речь ниже.

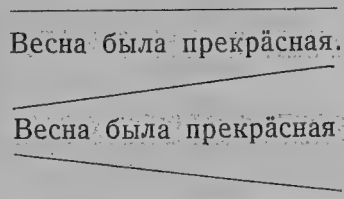
2. Логическое ударение. Оно играет исключительную роль в том случае, если предложение в интонационном отношение будет одночленным: логически ударяемое прилагательное всегда будет выражать предикативность:


Весна прекрáсная.

Весна прекрáсная (! или ?)

Весна прекрáсная.

То же и в таких случаях:


Весна была прекрáсная.

Весна была прекрáсная (! или ?)

Весна была прекрáсная.

Такое значение логическое ударение имеет только тогда, когда прилагательное употребляется в безглагольных словосочетаниях или же в словосочетаниях с отвлеченным глаголом. В остальных случаях логическое ударение не имеет существенного значения.

3) Положение прилагательного после глагола непосредственно:

Ночь была лунная. (П.)
Погода была ужасная. (П.)

В таком положении прилагательное, если на него падает логическое ударение, всегда будет предикативным. Логическое ударение может перетягиваться на подлежащее при наличии явного или подразумеваемого противопоставления:

Погода была прекрасная (а не природа).

При этом прилагательное сохраняет предикативное значение.

Перенос логического ударения на подлежащее отнимает у прилагательного предикативное значение только при перечислении предложений рассматриваемого типа:

Ночь была темная, погода была ужасная...

3) Двучленность словосочетания (интонационная):

Весна//прекрасная.
Время//было жаркое.

Проф. Л. В. Щерба, рассматривая, с одной стороны, выражения типа „Пожар!", „Это безобразие!" и т. п. и с другой — „Ленинград — большой город", „Наш милейший дядюшка — был большой чудак" и т. п., замечает: „Внимательный анализ двух рядов фраз убедит, конечно, каждого, что во втором из них часть, стоящая после тире, всегда является некоторым высказыванием по поводу того, что выражено в части, стоящей перед тире, и ей противополагается".[1] Другими словами: вторая часть является предицирующей по отношению к первой. В двучленном словосочетании прилагательное, если оно оказывается во второй части его, всегда будет предикативным.

5) Наличие усилительных слов при прилагательном. Это имеет решающее значение в том случае, если прилагательное стоит после глагола или после определяемого существительного в безглагольных словосочетаниях:

Жизнь была уж спокойная (Черн.). Жизнь в Оренбурге была самая несносная (П.). Барыня бродит такая унылая... (Некр.). Читатель, басни сей мысль самая простая... (Кр.). Солдаты такие добрые (Фонв.).

[1] Фонетика франц. яз., 117—118.

6) Несколько прилагательных в положении после глагола:

Утро было тихое, мглистое. (А. Т.)
Житье было сытное, легкое... (А. Т.)

Прилагательные в таких словосочетаниях всегда будут предикативными.

То же и в безглагольных словосочетаниях:

Утро тихое, мглистое.
Житье сытное, легкое.

7) Наличие при подлежащем прилагательного, причастия, местоимения или числительного в качестве определения:

Но сия цензура есть лишняя. (Рад.)
Но постеля моя была непуховая... (Рад.)
Нынешняя ночь была самая бурная. (Карамз.)

8) Наличие отрицания при полном прилагательном. Отрицание „не" вообще усиливает предикативное значение прилагательного. В словосочетаниях же „им. пад. существительного + глагол + прилагательное" или же „им. пад. существительного + прилагательное" отрицание „не" придает прилагательному исключительно предикативное значение: Она именно чуждалась их, а не боялась; нрав у нее был не робкий (Тург.). То же и в предложении: Нрав у нее не робкий; еще ярче: Нрав не робкий. [1]

9) Связь полного прилагательного с личными местоимениями. В такой связи полное прилагательное, если оно не обособленное, всегда будет предикативным. Это объясняется тем, что личные местоимения не могут иметь при себе необособленных прилагательных. Последние или обособляются или берут на себя функцию присвязочного члена (и при глагольной и при так. наз. нулевой связке). Во всех ниже приводимых примерах полные прилагательные будут предикативны:

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!
(Некр.)

[1] Имеется в виду раздельное употребление отрицания.

Неласково

Глядит на них семья,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом...
(Некр.)

И в случае опущения личного местоимения полные прилагательные сохраняют предикативное значение:

Спи, пострел, пока невинной!
Баюшки — баю.
(Некр.)

10) Отсутствие в предложении такого слова, которое выражало бы предикативность своею формой. В предложении, напр., „жизнь веселая настала" полное прилагательное не может быть предикативным, потому что предикативность здесь выражается специально предикативной формой „настала". Но достаточно опустить слово „настала", и прилагательное „веселая" может стать предикативным: жизнь веселая.

11) Соединение прилагательного с глаголом с помощью сравнительного союза. „Этот оборот интересен тем, что неопровержимо доказывает полную невозможность понимать союз как[1] всегда как начало нового предложения".[2] Следовательно, он указывает на то, что полное прилагательное в таком случае может быть только предикативным.

Как писанной был Демушка.
(Некр.)

Словно шальная пошла я дорогою...
(Некр.)

Росту большого, рука что железная,
Плечи — косая сажень.
(Некр.)

Ноги, как деревянные, стали.[3] (Гог.)

---

[1] Полное прилагательное может соединяться с глаголом не только с помощью союза как, но и с помощью союзов словно, что.

[2] Пешковский. Русск. синт., стр. 251.

[3] Здесь, как нередко и в других случаях, запятые не отражают действительных синтаксических отношений и не дают абсолютно никакого основания рассматривать прилагательное с союзом как неполное придаточное предложение.

12) Соседство других предложений. Это одно из важнейших условий, учет которого позволяет нам понимать полное прилагательное как предикативное. Покажем это на нескольких примерах:

Простая песня была, но она производила сильное впечатление.

Прилагательное „простая" может быть воспринято только как предикативное, потому что оно противопоставляется предикативной форме „производила", являющейся сказуемым второго предложения. Противопоставляться же могут только однотипные синтаксические величины. Если слово „производила" предикативное, то, следовательно, таким же должно являться и противопоставляемое ему слово „простая".

То же самое и в следующем случае:

Поднес к огню, разглядывал,
И молвил: „пташка малая,
А ноготок востер!"
(Некр.)

Здесь перечислены не все вспомогательные средства, в соединении с которыми полные прилагательные могут выражать предикативность. Есть и другие средства, но о них можно и не упоминать здесь, так как они не имеют более или менее существенного значения в создании предикативного значения полной формы прилагательного.[1]

Само собой понятно, что перечисленные средства, создающие предикативность полного прилагательного, одновременно являются и признаками, по которым можно определять его предикативное значение. Полные и краткие прилагательные в предикативном значении различаются как в смысловом, так и в грамматическом отношении. Различие сводится к следующему:

1) Полные прилагательные несколько субстантивируются; они получают кокой-то оттенок предметности; это сближает их с существительными. Поэтому они, как и существительные, могут присоединять к себе согласованные местоимения:

Тьфу какой ты безотвязной! (Кр.) Какая я была глупенькая... (Черн.) ...барышня наша такая беленькая, такая щеголиха. (П.)

[1] Подробнее этот вопрос изложен в моей работе „Полупредикативность как переходная ступень в развитии предикативности полной формы прилагательного (Труды Краснодарского государственного педагогического института, т. VII, в. I, 1938) и в работе „Предикативное фунционирование полной формы прилагательного в современном русском языке" (печатается).

Краткие прилагательные вообще, как известно, выражают категорию состояния; это сближает их с глаголами, так как состояние — это нечто приближающееся к действию. Поэтому они, как и глаголы, могут присоединять к себе местоименные наречия и не могут присоединять, подобно полным прилагательным, согласованных местоимений:

Ведь я не так глупа, чтобы нельзя было сойтись со мною! (Тург.). Я кажусь так низок, подл... (Черн.) И стали так близки... (Черн.).

2) Полные прилагательные, выступая в роли присвязочных членов составного сказуемого, не могут управлять косвенными падежами существительных или соответственных им слов. Так, напр., нельзя сказать: „Музыка стала приятная матери", „Старая уж я для этого". Краткие прилагательные, наоборот, способны управлять зависимыми словами:

Музыка стала приятна матери. (М. Г.)
Стара уж я для этого,— неграмотна... (М. Г.)

3) Полные прилагательные указывают на то, что признак в предмете пребывает постоянно, что существование признака охватывает весь период существования предмета. Краткие прилагательные, наоборот, указывают на то, что признак в предмете пребывает временно, непостоянно, что он существует в нем только в данный момент, вообще же он может быть и не свойствен ему. Ср., напр., значение полного прилагательного „веселая" и краткого „весела" в следующих двух предложениях:

— И веселая, Верочка, я всегда веселая, и когда грустная, все-таки веселая,— правда? (Черн.) —
— Ну, пальцем не трону, только завтра, чтоб была весела! (Черн.)

Такое же различие в значении полного и краткого прилагательных „больная„ и „больна" в следующих предложениях:

Она больная, капризная, нежная. (П.) —
Нынче вечером вы получите от моей матери записку, что катанье расстроено, потому что я больна. (Черн.)

Указывая на временное пребывание признака в предмете, краткие прилагательные довольно часто присоединяют к себе такие слова, как в „это мгновение", „в тот момент" и т. п.:

Он был хорош в это мгновение... (Тург.). Он нашел, что она похудела и пожелтела: она была нехороша в тот

день... (Тург.). Павел был болен в субботу, когда вывесили объявление директора о сборе копейки... (М. Г.)

При полных прилагательных такие слова невозможны. Нельзя сказать: „Он был хороший в это мгновение", „Она была нехорошая в тот день", „Павел был больной в субботу".[1])

Полные прилагательные в творительном падеже очень часто употребляются при полуотвлеченных связках:

Она не могла насытить свое желание и снова говорила им то, что было ново для нее и казалось ей неоценимо важным (М. Г.). Лицо ее сделалось острым (Он же). Слова казались ей ненужными. (Он же). Они становились незаметными (Он же.). Жизнь становилась торопливой и лихорадочной (Он же). Все в жизни казалось ей неизбежным (Он же). Показалась она ему бесовской (А. Т.)... пехота была очень слаба сравнительно с конницей только потому, что считала себя слабою (Он же).

Гораздо реже творительный употребляется при отвлеченных связках:

Был я молодым, горячим. (Чех.)
....он был безжалостным. (Тург.)

При нулевой связке творительный не употребляется. В примерах, приведенных Пешковским из разговорной речи, „он заведующим", „он у нас в звене старшим", „он земским" и т. п., слова „заведующим", „старшим", „земским" настолько субстантивированы, что их следует рассматривать только как существительные. Не употребляется творительный также и при конкретных связках.

В отношении грамматической связи прилагательное в творительном падеже характеризуется тем, что оно согласуется с подлежащим только в роде и числе и не согласуется в падеже. Форма падежа его зависит от глагола-связки. Следовательно, по отношению к глаголу-связке прилагательное является управляемым словом. Графически это можно представить так:

согласуется в роде и числе
Лицо ее сделалось острым. (М. Г.)
управляется

[1] О стилистическом значении полных и кратких прилагательных см. Пешковский. Синт., 204—205.— В ближайшее время должна быть напечатана моя статья „О стилистическом использовании кратких и полных прилагательных в предикативном значении".

Краткое прилагательное и полное прилагательное в именительном падеже, в отличие от прилагательного в творительном падеже, по отношению к глаголу-связке являются независимыми и связаны только с подлежащим. При этом полное прилагательное согласуется с подлежащим в роде, числе и падеже, а краткое — в роде и числе. [1])

По значению творительный падеж сближается с краткой формой. Как и краткая форма, он указывает на то, что признак в предмете пребывает временно, непостоянно. В этом легко убедиться, сравнив хотя бы такие предложения:

Он был добрый — Он был добрым.
Он будет веселый — Он будет веселым.
Он был слабый — Он был слабым.

Краткие страдательные причастия как прошедшего, так и настоящего времени по своей грамматической природе ничем не отличаются от кратких прилагательных. Как и краткие прилагательные, они имеют свою собственную предикативную форму и не нуждаются в дополнительных средствах выражения предикативности, как полные прилагательные в именительном падеже.

Страдательные причастия в краткой форме употребляются главным образом при отвлеченных связках (в том числе и при нулевой):

Под грудь он был навылет ранен;
Дымясь из раны кровь текла.
(П.)

Противник слабый мне не страшен;
Узнай чудесный жребий мой:
Сей благородной бородой
Недаром Черномор украшен.
(Он же).

...Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.
(Он же)

Могут употребляться и при конкретных связках:

Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
(П.)

[1] Так как краткое прилагательное в современном языке не изменяет своей падежной формы, то нельзя говорить о согласовании его с подлежащим в падеже.

Составное сказуемое с присвязочным членом, выраженным кратким страдательным причастием, может быть соотносительно с простым сказуемым, выраженным страдательно-возвратным глаголом. Следовательно, возможны такие параллельные страдательные конструкции:

Открыт театр оперы и балета—
Открылся театр оперы и балета.
Сосновый бор был окутан сумерками—
Сосновый бор окутался сумерками.

Сказуемые рассматриваемого типа могут заменяться и простыми сказуемыми, выраженными глаголами в их действительном (не только страдательном) значении. Поэтому возможны и такие параллельные обороты:

Небо усеяно звездами—
Звезды усеяли небо.
Костер разложен рыбаками—
Рыбаки разложили костер.

Сказуемые, состоящие из нулевой связки и присвязочного члена, выраженного страдательным причастием, имеют особое значение. Они указывают на то, что действия совершены в прошлом (до момента речи), но результаты этих действий ощутимы в настоящее время (в момент речи): план выполнен, дом построен, книга прочитана—действия происходили до момента речи, но результаты их налицо, они ощутимы в настоящий момент. Такое прошедшее время, заключающееся в рассматриваемых сказуемых, называют прошедшим результативным. Значение прошедшего результативного определяется тем, что нулевая связка имеет значение настоящего, а причастие прошедшего времени. Сочетание двух значений и создает значение прошедшего результативного.

В заключение следует отметить, что в кратком страдательном причастии и в кратком прилагательном есть некоторые общие черты, которые роднят их между собой. Во-первых, обе формы выражают признак как состояние. Ср. Он был удручен, т. е. находился в состоянии удрученности,—Он был готов, т. е. находился в состоянии готовности. Во-вторых, не только в причастии, но и в кратком прилагательном в сочетании с нулевой связкой заметен оттенок результативности. Ср. Девушка рассержена (прошедшее результативное: результат

[1] Дополнительную характеристику см. М. Пешковский, Синт., 137.

ощустим в настоящее время) — Девушка добра (добра в настоящее время, следовательно, в прошлом она могла и не обладать этим признаком: в таком случае мы сказали бы вообще девушка добрая; поэтому добра и представляется как некий результат, наличествующий в настоящее время: „подобрела“ и с этим свойством доброты и представляется в данный момент). То же и в следующих примерах: Мать удручена—Мать весела; Петя раздражен—Петя рад; Надя взволнована—Надя больна.

Существительное в именительном падеже в современном языке обычно употребляется при отвлеченных связках и особенно часто при нулевой:

Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути.
(М. Св.)

Сталин—наша слава боевая,
Сталин—нашей юности полет!
С песнями борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.
(А. Сурк.)

Сталин—это народ, что к победам идет
По вершинам подоблачных склонов.
Сталин—наши дела, Сталин—крылья орла,
Сталин—воля и ум миллионов.
(А. Ал.)

Так, было время: с Кочубеем
Был друг Мазепа...
(П.)

Так не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне отрада.
(П.)

При полуотвлеченных связках именительный предикативный в современном языке почти не употребляется. С конкретными связками он совсем не сочетается.

К чему же сводится значение именительного предикативного?

По мнению некоторых лингвистов, именительный предикативный выражает предмет, вступающий в связь с другим предметом, выраженным подлежащим, на основе тождества. Здесь нет преобладания одного слова над другим, поскольку существительные вообще не способны вступать в синтаксические отношения в порядке согласования; других же типов подчинительной связи (управления, примыкания) между подлежащим и именительным предикативным не может быть. Оба слова являются равноправными, равноценными величинами. То, что выражено первым име-

нительным (подлежащим), и то, что выражено вторым именительным (присвязочным членом), относится к одному и тому же предмету на началах равноправия. С такой точки зрения, предложение, напр., друг—учитель должно быть равносильно и предложению друг является учителем, и предложению учитель является другом.

Можно ли считать такую точку зрения правильной.

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что сказуемое вообще, независимо от того, чем оно выражено, обозначает признак, причем последний может быть или активным, или пассивным. Это во-первых. Во-вторых, отвечая на поставленный вопрос, следует сослаться на замечание Энгельса по поводу высказывания Гегеля относительно тождества.

Гегель писал:

„Факт, что тождество содержит в себе различие, выражен в каждом предложении, где сказуемое неизбежно отлично от подлежащего. Лилия есть растение, роза красна: здесь либо в подлежащем, либо в сказуемом имеется нечто такое, что не покрывается сказуемым или подлежащим".

Энгельс по этому поводу заметил:

„Само собой разумеется, что *тождество* с собою имеет уже заранее необходимым дополнением *отличие* от всего прочего".[1]

Таким образом, „тождество содержит в себе различие", „сказуемое неизбежно отлично от подлежащего". И это то, чего не замечают те ученые, которые, кроме значения тождества, ничего не видят в предложениях с именительным предикативным.

В чем же отличие именительного предикативного от первого именительного (подлежащего)?

Отличие заключается в том, что именительный предикативный в таких предложениях, как лилия есть растение, друг—учитель и т. п. выражает не столько предмет, сколько признак предмета или сумму признаков его. Лилия есть растение — это значит: лилия является носителем известной суммы признаков, друг—учитель означает: друг—учительствующий, который учительствует, который выполняет определенные обязанности. Более ярко значение признака во втором именительном обнаруживается в таких предложениях, как он силач, он богач, он бедняк и т. п. (ср. „известный силач прибудет к нам в город", „богач не может понять положения бедного", „бедняк не может примириться со своим положением", где те же именительные, будучи поставлены в положение подлежащих, выражают не признаки, а предметы, которым приписываются признаки, выраженные другими словами).

[1] Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о проблемах языка и мышления. Л. 1933. Стр. 99—100.

Отсюда видно, что существительное в роли присвязочного члена составного сказуемого, выражая признак предмета, тем самым уподобляется прилагательному. Вот почему известный лингвист Пауль когда-то писал: „Если имя поставлено как предикат или приложено к имени вещи как определение, то оно уже не может быть именем вещи и с этой точки зрения тем самым есть прилагательное“ [1]. И если идея предметности и осознается в именительном предикативном, то только потому, что признак находит свое выражение в существительном.

В заключение о значении второго именительного необходимо указать на то, что он выражает признак, постоянно пребывающий в предмете, и это сближает его с полным прилагательным в именительном падеже.

Так как в рассматриваемых типах предложений и подлежащее и присвязочный член составного сказуемого выражаются одной грамматической формой—именительным падежом, то иногда нелегко бывает определить, какой из этих двух именительных является подлежащим и какой—присвязочным членом. Подобные предложения в этом отношении могут быть синтаксически двусмысленными. Вот примеры:

Девушка—учительница

или

Учительница—девушка

Друг был учитель

или

Учитель был друг

Как видим, синтаксически двусмысленными могут быть бессвязочные предложения и те связочные, в которых нельзя определить, с каким именительным согласуется связка.

Именительный падеж существительного — непредикативная грамматическая форма, которая может выражать предикативность только с дополнительными, вспомогательными средствами. Следовательно, чтобы определить второй именительный (присвязочный член), а значит и первый именительный (подлежащее), необходимо учесть эти вспомогательные средства, которые одновременно служат и внешними признаками, формальными показателями предикативного значения именительного.

Вспомогательные средства (а следовательно и признаки) для именительного падежа существительного в общем те же, что и

[1] Prinzipien der Sprachgeschichte. 1880, 205—6.

для именительного падежа полного прилагательного, т. е. порядок слов, логическое ударение и т. д. (см. выше). В дополнение к этому можно отметить, кроме того, следующие признаки:

1) Согласование связки. Обычно связка согласуется с подлежащим: „На эту пору друг его вблизи случился: друг этот был лиса“ (Кр.), хотя известны случаи согласования связки и с присвязочным членом: „Обед для него была вещь нешуточная“ (Черн.).

2) Возможность замены одного из именительных творительным. Тот именительный, вместо которого может быть употреблен творительный, должен быть присвязочным членом составного сказуемого. Так, например, в предложении

... Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой (П.)

которое Пешковский считает синтаксически двусмысленным, только именительный „сторож“ можно заменить творительным: „петушок будет сторожем“, но нельзя сказать: „сторож будет петушком“. Следовательно, именительный „сторож“ будет присвязочным членом.

3) Лексическое значение существительных иногда помогает определить их синтаксическую роль. В предложениях, напр., дуб есть растение, собака—животное и т. п. присвязочными членами могут быть только существительные „растение“, „животное“ (нельзя сказать: „растение есть дуб“, „животное—собака“ в смысле „растение является дубом“, „животное является собакой“).

Нужно твердо помнить, что только совокупность нескольких признаков может помочь в определении присвязочного члена составного сказуемого, а следовательно и подлежащего.

Кроме того необходимо учитывать контекст речи или ее конкретную обстановку (если речь устная).

Именительный существительного, так же как и именительный полного прилагательного, может сочетаться с глагольной связкой с помощью сравнительного союза. В этом случае он не допускает синтаксической двузначности: он всегда будет присвязочным членом.

Люди же, изумленные, стали как камни. (М. Г.)

Существительное в творительном падеже употребляется при отвлеченных и полуотвлеченных связках:

И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела.
(Лерм.)

Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой.
(П.)

Шли бойцы сквозь звездный ливень
По колдобинам дорог.
Большевистскою твердыней
Стал приволжский городок.
(О. Кол.)

Солнечным и самым светлым краем
Стала вся Советская земля,
Сталинским обильным урожаем
Ширятся колхозные поля.
(Сурк.)

При нулевой связке творительный предикативный употребляется редко (только в особых случаях[1]): „Ты,—говорит, всему виной... (Кр.)

В современном языке заметно вытеснение именительного творительным. Мы предпочитаем говорить: был учителем, был инженером, а не был учитель, был инженер. При полуотвлеченных связках именительный почти не употребляется. Нельзя сказать: он является инженер, учитель, друг, герой и т. п.

Творительный предикативный, по сравнению с именительным предикативным, имеет иное значение: он указывает на то, что признак в предмете существует временно, непостоянно. Ср. Он был учитель—он был учителем; он был инженер—он был инженером.[2]

Существительное может употребляться в роли присвязочного члена не только в творительном, но и в других косвенных падежах с предлогами и в родительном без предлогов:

Петр Михайлыч Ивашин был сильно не в духе (Чех.). Он был не в духе, и ему не хотелось говорить (Он же). Все это длинно, скучно и не в моем характере (Он же). Я не в состоянии рассуждать (Он же). Он казался нрава тихого и скромного... (П.). Девушка была лет двадцати (Тург.).

[1] См. А. М. Пешковский. Синт. 241—242.

[2] О происхождении творительного предикативного см. А. М. Пешковский, Синт., 220 и след.

Родительный без предлога всегда имеет при себе определение.

Все эти косвенные падежи, так же как и другие слова, будучи поставлены в положение присвязочного члена, приобретают качественное значение, и это то, что отличает их от косвенных падежей, выступающих в роли дополнений и обстоятельств. Был не в духе — это значит был расстроен; был не в силах, не в состоянии — это значит несостоятелен и т. д. Ср. Был не в духе и был не в институте. В первом предложении „не в духе" имеет качественное значение и является присвязочным членом при связке „был", во втором предложении „не в институте" имеет обстоятельственное значение и является второстепенным членом предложения — обстоятельственным словом при глаголе „был".

Остановимся на выражении присвязочного члена наречием. Так как все присвязочные члены составного сказуемого выражают признаки предмета, его свойства, качества, то не все наречия могут быть присвязочными членами, а только качественные или во всяком случае наречия, временно получающие качественное значение.

Господа любители казались сильно навеселе (Тург.).
На деле же почти такие люди все сродни моей лисе (Кр.).
Ваши слова были некстати (Дост.).

Обстоятельственные наречия не могут быть присвязочными членами по следующим причинам:

1) Они выражают только обстоятельства действий, следовательно, не могут выражать признаков предмета и поэтому не могут быть связаны с подлежащим. Они тяготеют только к глаголу-сказуемому.

2) Выражая обстоятельства, при которых совершаются действия, обстоятельственные наречия предполагают наличие в предложении полнозначного глагола. Поэтому глагол, при котором употребляется обстоятельственное наречие, не может превратиться в связку. Это тоже не дает возможности обстоятельственному наречию стать присвязочным членом. Таким образом, в предложениях типа отец был дома, в институте буду завтра, Надя будет здесь глаголы всегда будут сохранять вещественное значение, самостоятельно выступая в роли сказуемого, а наречия всегда будут являться обстоятельственными словами.

Собственно, по тем же причинам не могут быть присвязочными членами и количественные наречия очень, весьма, много, мало и т. п. Нельзя сказать, напр., он был очень, она была весьма и т. п.

Не все качественные наречия способны функционировать в роли присвязочных членов. Из наречий, обладающих этой способностью, должны быть исключены наречия на *-О*, кстати сказать, составляющие обширную группу качественных наречий. Это объясняется тем, что в сочетании с подлежащим они получают значение кратких прилагательных и никогда не могут быть наречиями: лицо его было немо, лицо было хмуро, все теперь ново.[1] Не употребляются в качестве присвязочных членов также наречия на -ски, -цки. Нельзя сказать, напр., он был по-русски, а она была по-немецки.

Несколько примеров на выражение присвязочного члена сравнительной формой:

Краше зорь весеннего рассвета
Юности счастливая пора.
Сталинской улыбкою согрета,
Радуется наша детвора.
(Сурк.)

Наше слово гордое—„товарищ"—
Нам дороже всех красивых слов.
(Леб.-Кум.)

Прибыл в штаб товарищ Сталин
И повел войска вперед,
И бойцы десятой стали
Крепче каменных пород!
(О. Кол.)

Сравнительная форма может быть присвязочным членом только в том случае, если она имеет качественное значение, как в приведенных выше примерах. В этой синтаксической роли она всегда будет прилагательным.

Если сравнительная форма имеет обстоятельственное значение, то она может выступать только в роли второстепенного члена предложения—обстоятельства (по тем же причинам, что и обстоятельственные наречия). В таком случае ее следует рассматривать как наречную форму: мы приехали раньше, чем предполагали, он живет дальше, чем я.

Сравнительная форма даже в качественном значении не может быть употреблена в роли присвязочного члена при условии, если глагол, к которому она относится, не является связкой:

Ярко, месяц, нам свети
На счастливом на пути,

[1] Наречия на *-О* могут быть присвязочными членами только в безличных предложениях.

Чтоб светлее, веселее
Нам с подругами итти.
(С. Ал.)

Летит эта песня быстрее, чем птица,
И мир угнетателей злобно дрожит:
Ее не удержат посты и границы,
Ее не удержат ничьи рубежи.
(М. Ин.)

Инфинитив употребляется в качестве присвязочного члена составного сказуемого при отвлеченных и некоторых полуотвлеченных связках (особенно часто при связке стать):

Первое мое удовольствие—подчинять моей воле все, что меня окружает (Лерм.). Он стал расспрашивать меня о судьбе Кузьмича, которого называл кумом, и часто прерывал мою речь дополнительными расспросами (П.). Герман стал ходить около опустевшего дома (П.).

Инфинитив довольно часто употребляется при связках промежуточного типа (напр., начать, мочь, пытаться и т. п.). Хотя эти глаголы и конкретнее полуотвлеченных связок, тем не менее они выражают предикативность не сами, а вместе с инфинитивом. Они могут только указывать напр., на начало, возможность, необходимость действия,само же действие находит свое выражение в инфинитиве:

Хотя время еще раннее, но в рабочей комнате солнечные лучи начинают исподволь нагревать воздух (С.-Щ.). После полудня она начала томиться жаждой (Лерм.). Кто не женат, тот не может иметь в обществе настоящий вес... (Чех.).

Кто хоть раз увидел Приамурье,
Тот его не мог не полюбить!
(В. Г.).

Такие составные сказуемые не следует смешивать с простыми сказуемыми, выраженными полнозначными глаголами, при которых инфинитивы употребляются в качестве второстепенных членов предложения:

Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет.
(Леб.-Кум.)

Инфинитивы при полнозначных глаголах называют дополнительными глагольными членами, которые, кстати сказать, могут быть и при других частях речи.

Следует иметь в виду, что сказуемое, выраженное вспомогательным глаголом „буду“ и инфинитивом, принято считать простым, а не составным:

Отсель грозить мы будем шведу.
(П.).

Будут звезды светить,
Будут ночи синеть...
(Френк.).

Инфинитив в сочетании с именительным падежом существительного при нулевой связке или при связке „был“, если нельзя установить согласование ее с существительным, может быть синтаксически двузначным.[1]

Действительные причастия, как известно, имеют полную (атрибутивную, а не предикативную) форму, и поэтому, как правило, употребляются в значении определений. Только иногда их можно встретить в положении присвязочных членов:

Когда расходились, Наташа была усталая, разбитая и жаждущая сна. (Пот.).

Только некоторые адъективированные действительные причастия и то в редких случаях могут получать краткую (предикативную) форму: он был знающ, полет был блестящ.

Полные страдательные причастия тоже редко бывают присвязочными членами:

Лицо у нее было утомленное и бледное. Протопоп возвратился домой очень взволнованный и расстроенный (Леск.).

Как действительные, так и страдательные причастия в полной форме в роли присвязочных членов теряют, полностью или частично, глагольные признаки, что сближает их с прилагательными.

Деепричастия в качестве присвязочных членов встречаются только в крестьянских диалектах: он был проспавши, он был пришедши, он был разувшись, он был не выспавшись и т. п.; то же и при нулевой связке: он проспавши, пришедши и т. п.

Подобные обороты иногда вводятся отдельными писателями в художественные произведения как диалектизмы, служащие

[1] См. Пешковский. Синт., 246 и след.

для речевой характеристики тех литературных персонажей, которые являются носителями крестьянских (а иногда и мещанских) диалектов:

— На дворе было как раз часов шесть, а я уже по-своему, по-русски, был пообедавши... (Леск.).

— Что вы, говорю, второродительница на таком месте усевшись? А она отвечает: — А где же мне, Марочка, притулиться? (Он же).

— Лихо, брат, лихо — порадовались его седоки.

— То-то, лихо, согласился дядя и степенно добавил: — А что устамши бывают, на то причина — езда большая... (Фурм.).

Таким образом, литературному языку предикативные сочетания с деепричастием не свойственны.

Присвязочные члены составного сказуемого могут быть выражены и местоимениями и числительными. Почти все, что сказано о существительных и прилагательных, в равной мере относится и к этим словам.

Следует однако добавить следующее. Местоимения вообще, как известно, не выражают ни предметов, ни их признаков; они могут только указывать на них. Те местоимения, которые могут указывать на признаки (но не выражать их), выступая в роли присвязочных членов, требуют раскрытия конкретного своего содержания. Обычно содержание их раскрывается с помощью придаточных предложений, которые, кстати сказать, и называются поэтому придаточными сказуемыми. Так, напр., в предложении „я тот" присвязочный член выражен местоимением „тот", которое только указывает на какой-то признак или на сумму известных признаков, конкретного же содержания оно в себе не заключает. Поэтому такой присвязочный член нуждается в раскрытии своего содержания через придаточное предложение: „Я тот, которому внимала ты в полуночной тишине" (Лерм.).

В заключение следует отметить, что присвязочные члены могут быть выражены так называемыми неполными словами:

— Ну? — говорил он ему на улице: — ты все того же мнения, что она — ой-ой-ой? (Тург.).

— Она — теперь ай-ай-ай! (Леск.).

— Ну, а я думал, что ты того. (Тург.).

С составными сказуемыми этого типа не следует смешивать сказуемые, выраженные тоже неполными словами, но без глагольных связок:

Татьяна прыг в другие сени. (П.)
Хвать друга камнем в лоб... (Кр.)
Татьяна—ах... (П.).
Колокольчик динь-динь-динь.

Если при словах ой-ой-ой, ай-ай-ай, того возможна связка быть и можно сказать она была ой-ой-ой, она была ай-ай-ай, ты был того, то при словах прыг, хвать, динь-динь-динь, ах она невозможна, и нельзя поэтому сказать: Татьяна была прыг, колокольчик был динь-динь-динь и т. д. Это доказывает, что в первом случае мы имеем дело с составными сказуемыми (раз возможна связка быть, следовательно, возможна и нулевая), во втором — с простыми, которые соответствуют простым глагольным сказуемым.

Рассмотренные составные сказуемые имеют в своем составе два элемента: глагольную связку (в т. ч. и нулевую) и присвязочный член. Такие сказуемые можно назвать двухэлементными.

И в школьной и в научной грамматике обычно отмечаются только двухэлементные составные сказуемые. Тем не менее в русском языке, кроме двухэлементных составных сказуемых, широкое распространение получили составные сказуемые, заключающие в себе более двух элементов. Их можно было бы назвать, в отличие от двухэлементных, многоэлементными.

В многоэлементные составные сказуемые могут входить:

1) полнозначный глагол или глагольная связка в спрягаемой форме;

2) отвлеченная, полуотвлеченная или конкретная связка в форме инфинитива;

3) присвязочный член при инфинитивной связке, выраженный одной из тех частей речи, которые выступают в этой же синтаксической роли и в двухэлементных составных сказуемых;

4) вместо спрягаемой формы глагола могут употребляться краткие прилагательные типа должен, обязан и т. п. с отвлеченной, в том числе и нулевой, связкой.

Таким образом, многоэлементные составные сказуемые с точки зрения их состава отличаются от двухэлементных наличием в них глагольной связки в форме инфинитива, что никогда невозможно в двухэлементных сказуемых.

С точки зрения значения их можно характеризовать следующим образом. В одном и том же многоэлементном составном сказуемом возможна комбинация всех тех грамматических оттенков, которые могут обнаруживаться в двухэлементных сказуемых с отвлеченной, полуотвлеченной или конкретной связкой или,

наконец, со связкой промежуточного типа, напр., значение проявления признака + значение его бытия, существования + значение самого признака и т. д.

Многоэлементные составные сказуемые, в соответствии с особенностями их состава и значения, можно поделить на следующие типы.

Первый тип. Сказуемые, состоящие из полуотвлеченной связки в спрягаемой форме + отвлеченной, полуотвлеченной или конкретной связки в форме инфинитива + присвязочного члена, выраженного одной из тех частей речи, которые могут выступать в роли присвязочного члена и в двухэлементных составных сказуемых:

Как тигр кажуся быть воспитанный в лесах (Сум.). ...штука стала выходить скверная (Черн.). Надя стала казаться веселой. Она стала приходить веселая, жизнерадостная.

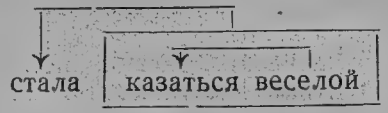
Роль полуотвлеченной связки в сказуемых рассматриваемого типа, как обычно, сводится к выражению проявления признака, производимого деятельностью предмета. Инфинитивные связки, как это видно из приведенных примеров, могут выражать или бытие, или, так сказать, вторичное проявление признака, выраженного присвязочным членом, или, наконец, могут сохранять свое первоначальное лексическое значение, нуждаясь однако в присоединении присвязочного члена.

Таким образом, дополнительные оттенки, отсутствующие в двухэлементных составных сказуемых с полуотвлеченной связкой, привносятся инфинитивными связками. Ср.

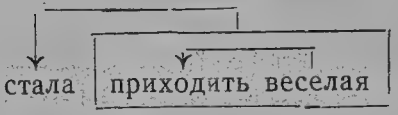
Стала веселой—стала казаться веселой.
Стала веселая—стала приходить веселая.

В двухэлементных составных сказуемых признак, обозначенный присвязочным членом, как известно, непосредственно зависит от глагольной связки в спрягаемой форме. Здесь же он зависит только от инфинитивной связки: (стала) казаться веселой, а не стала веселой, (стала) приходить веселая, а не стала веселая. Поэтому полоутвлеченная связка не выражает непосредственно проявления того признака, который выражен присвязочным членом: она показывает проявление его через посредство инфинитивной связки. Другими словами, полуотвлеченная связка в спрягаемой форме выражает проявление того, что обозначено инфинитивной связкой + присвязочным членом, т. е. проявление или бытия признака (кажуся быть воспитанный),

или проявления, обнаружения его (стала казаться веселой), или, наконец, действия, выраженного инфинитивом, + признака, обозначенного присвязочным членом (стала приходить веселая). Графически эту зависимость можно изобразить так:



или



Составные сказуемые первого типа не имеют широкого распространения в русском языке, и поэтому мы не располагаем достаточным количеством литературных примеров.

Второй тип. Составные сказуемые, состоящие из глагольной связки типа мочь, желать, стараться, силиться, решиться и т. п. (в спрягаемой форме) и отвлеченной, полуотвлеченной или конкретной связки (в форме инфинитива) с каким-либо присвязочным членом.

Значением возможности, желания, старания, стремления и т. п., заключенным в этих связках, и отличается второй тип многоэлементных составных сказуемых от предыдущего.

Сказуемые второго типа более широко распространены, чем сказуемые первого типа. Особенно часто употребляются сказуемые со звязкой мочь.

С людьми, с прислугой бабушка не могла быть требовательна (Л. Т.). Степан Аркадьевич мог быть спокоен... (Он же). Пьер видел ясно, что то, что сказано было в письме, могло быть правда, по крайней мере казаться правдой (Он же). Она всегда существовала,—прервала с живостью Марья Гавриловна,—я никогда не могла быть вашею женою... (П). Увидит он, что мог счастливый быть, когда бы не умела отравить судьба его надежды (Лерм.). Но сон как мир не мог быть ими омрачен (Он же). Каждый может стать моложе, если ветра холодного хлебнуть (Леб.-Кум). Лицо его не было красиво и даже могло показаться смешным, благодаря длинному, пухлому и красноватому носу (Тург).—Отчего бы я мог перестать уважать тебя?— спросил Гуров (Чех.).

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,

Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
(П.)

Реже употребляются сказуемые с другими глагольными связками этого типа:

Он желал казаться храбрым на четвертом бастионе (Л. Т.). И не пожелал тот вшед (швед) Харлус быть чухонским графом — а пожелал быть дворянином, и в золотую книгу записался (Тург.). Я старался казаться равнодушным ко всякому необыкновенному случаю, который видел или про который мне рассказывали (Л. Т.). Она старалась их успокоить, казаться веселою, и не могла (П). Я старался казаться веселым и равнодушным... (Он же). Я стараюсь быть аккуратным человеком — возразил Владимир Сергеевич (Тург.). Опрятный до щепетильности, брезгливый до гадливости, он силился быть циничным и грубым на словах (Он же). — Почему — нет, если б таких два друга решились быть справедливы... (Гонч). Он хочет быть как мы цыганом... (П).

Третий тип. Сказуемые, состоящие из конкретной связки в спрягаемой форме и тех же элементов, которые встречаются в первых двух типах сказуемых. Это сказуемые такого типа, как в следующем случае:

Спеши быть счастлив, бог земной;
Таиса, цвет любви, с тобой.
(Жук.).

Несмотря на то, что глагол в спрягаемой форме (в приведенном примере „спеши“) почти полностью сохраняет свое лексическое значение, предикативность выражает он не самостоятельно, а вместе с инфинитивной связкой и присвязочным членом (в нашем примере „быть“ и „счастлив“).

Такие сказуемые, кажется, не имеют широкого распространения, и мы не располагаем литературными примерами в таком количестве, чтобы можно было дать им более или менее полную характеристику.

Четвертый тип. Сказуемые, в состав которых входит отвлеченная связка в спрягаемой форме или так называемая нулевая связка + одно из кратких прилагательных типа должен, обязан, намерен и нек. др. + инфинитивная связка

(отвлеченная, полуотвлеченная или конкретная) + присвязочный член, выраженный какой-либо частью речи.

Эти продукты должны быть доставлены во-время. Он обязан был стать незаметным человеком. Мы намерены были оставаться учителями начальной школы.

Исключительно широко распространены сказуемые с кратким прилагательным „должен". Несколько литературных примеров:

Одна из этих женщин должна была быть доставлена отдельно (Л. Т.). Во всяком случае за завтрашний день должны были быть розданы большие награды (Он же). Ящики с оружием были уже привезены, и завтра вечером все оружие должно было быть роздано (Н. Остр.). Приглашение должно было быть благосклонно принятым (П.).

То же и при нулевой связке:

Черкешенка должна быть счастлива (Лерм.). Беспорядки не должны быть терпимы в театре (Чех.). Женитьба должна, мой друг, быть половиной карьеры (Он же). В эту минуту я должен вам казаться извергом... (Тург.). Россия должна быть спасительницей Европы (А. Т.). Она чувствовала, что нынешний вечер, когда они оба в первый раз встречаются, должен быть решительный в ее судьбе. (Он же). А плут порядочный должен быть этот Фомин (Он же). Вы должны быть чисты даже и в моих воспоминаниях (П.). Эти подробности вообще должны казаться притворными (Он же).

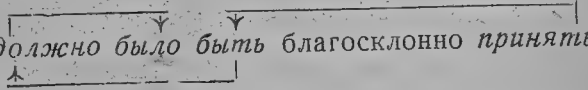
Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.
(Он же).

Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...
(Он же).

В жару сердечных вдохновений
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.
(Он же)

Как видим, сказуемые рассматриваемого типа имеют уже не три элемента, как сказуемые предыдущих типов, а четыре. От остальных сказуемых они отличаются следующим: 1) краткое прилагательное указывает на состояние, в котором пребывает или должен пребывать предмет относительно признака, обозначенного присвязочным членом при инфинитивной связке („должен" — значит „в состоянии долженствования", „намерен" — „ в состоянии намерения" и т. д.); однако признак, выраженный присвязочным членом, непосредственно не зависит от краткого прилагательного: посредствующим звеном является инфинитивная связка (нельзя, напр., сказать: „должен гением", а только „должен быть гением" или „должен стать гением"); 2) отвлеченные связки, отсутствующие в первых трех типах, выражают бытие того состояния, которое обозначается краткими прилагательными, в плане либо прошедшего, либо настоящего, либо будущего времени (должен был, должен, должен буду); поэтому краткие прилагательные всегда употребляются при этих связках.

Графически зависимость отдельных элементов друг от друга можно показать на одном из приведенных выше примеров таким образом:



Уже из приведенных примеров видно, что при кратких прилагательных типа должен чаще всего употребляются отвлеченные инфинитивные связки, реже — полуотвлеченные. Совсем редко употребляются конкретные связки (Сегодня она должна была явиться веселая). Инфинитив при сохранении своего вещественного значения в многоэлементных составных сказуемых обычно сам выражает предикативность, не нуждаясь в присвязочном члене. Это обстоятельство заставляет нас выделить сказуемые с полнозначным инфинитивом в особую разновидность. Такие сказуемые чрезвычайно широко распространены в нашем языке:

Наталья должна была каждое утро читать исторические книги... (Тург.). Он должен был поиграть на фортепиано (Гонч.). — Юзеф не должен был говорить тебе о моем приезде, пока я не вымылся и не переоделся... (Н. Остр.). Девушка ее была в заговоре; обе они должны были вытти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять верст от Ненарадова в село Жадрино, прямо в церковь, где уже Владимир должен был их ожидать (П). Но все должны

были отступить, когда явился в ее замке раненый гусарский полковник Бурмин... (Он же). Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь... (Он же). Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать, удалиться в свою комнату под предлогом головной боли (Он же).

Я должен буду без сомненья,
Письмо Татьяне перевесть.
(Он же)

Он должен был обезоружить
Младое сердце. Но теперь...
(Он же)

Безусловно, подобные сказуемые с нулевой связкой тоже должны рассматриваться как многоэлементные:

Кто выше всего ставит покой своих близких, тот должен совершенно отказаться от идейной жизни (Чех).

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна.
(П.)

Таковы основные типы многоэлементных составных сказуемых и такова краткая характеристика их.

В заключение необходимо отметить, что вопрос о многоэлементных составных сказуемых решается не так легко и не так просто, как это может показаться на первый взгляд.

Иногда однотипные по составу сочетания могут представлять собой в одних случаях многоэлементные составные сказуемые, в других — простые сказуемые с второстепенными членами. Так, напр., в предложении

Начальник рассказывал и видимо желал казаться остроумным (Чех.)

сочетание „желал казаться остроумным“ — многоэлементное составное сказуемое. Но нельзя этого сказать о том же словосочетании в следующем предложении:

Начальник желал своему товарищу казаться остроумным.

Дело в том, что в первом предложении все, что выражено тремя элементами—и действие (желал), и пассивный признак

(остроумным), и проявление признака (казаться) — исходит от субъекта (подлежащего). Предложение имеет такой смысл:

Начальник рассказывал и видимо желал, чтобы он (начальник) казался остроумным.

Совершенно иные смысловые отношения во втором предложении. То, что выражено глаголом „желал", относится к субъекту (начальник), а то, что обозначено словосочетанием „казаться остроумным", связано с объектом действия (ему). Это предложение имеет уже такой смысл:

Начальник желал, чтобы его товарищ казался остроумным.

Следовательно, в предложении „начальник желал своему товарищу казаться остроумным" сказуемое простое (желал). Словосочетание „казаться остроумным" следует рассматривать как дополнение к слову желал: желал своему товарищу чего? — быть остроумным. То же самое можно наблюдать и в следующем примере:

Родина наша руками могучими
Наши ряды создала,
Нам приказала быть самыми лучшими,
В сердце отвагу влила.
(Леб.-Кум)

„Родина нам приказала быть самыми лучшими" — это значит: „Родина приказала, чтобы мы были самыми лучшими". И здесь, следовательно — простое сказуемое (приказала). „Быть самыми лучшими" — дополнение к сказуемому „приказала" (приказала что?—быть самыми лучшими).

Но может ли вообще инфинитив, теряющий вещественное значение и по существу представляющий собой связку, не быть связанным с субъектом и выполнять функции второстепенного члена? На этот вопрос может быть дан только положительный ответ. К сожалению, мы еще недостаточно изучили особенности выражения главных и второстепенных членов предложения и часто не замечаем того, что иногда второстепенные члены по способу выражения оказываются аналогичны главным. В частности, из поля нашего зрения обычно ускользает такое довольно любопытное явление, когда инфинитив, теряющий вещественное значение, входит не только в состав сказуемого, но и в состав подлежащего, и состав второстепенного члена. В предложениях „*Быть гражданином* свободной страны — большая гордость", „*Стать героем* социалистического труда — большая

честь для советского гражданина" подлежащие — „быть гражданином", „стать героем", в состав которых входят инфинитивы (быть, стать), утратившие свое вещественное значение. В таких предложениях, как „Желание стать советским инженером осуществилось", „Обязанность быть руководителем этого предприятия заставляла его более серьезно относиться к работе", инфинитивы, потерявшие вещественное значение, входят в состав второстепенных членов (определений): желание какое? — стать инженером; обязанность какая? — стать руководителем.

Таким образом, утрата инфинитивом вещественного значения во всех его синтаксических положениях — обычное для русского языка явление, и это необходимо учитывать при установлении границ простого и многоэлементного составного сказуемого.

Более сложным представляется анализ таких случаев, как

Я уже не боялся быть и казаться чувствительным и весь ушел в отеческое или, вернее, идолопоклонническое чувство... (Чех.).

В самом деле, как рассматривать словосочетание „не боялся быть и казаться чувствительным", как многоэлементное составное сказуемое или же как простое сказуемое (не боялся) с второстепенным членом (быть и казаться чувствительным)?

С одной стороны, действие (не боялся) и идея бытия и проявления признака (быть и казаться), а также сам признак (чувствительным) связаны с субъектом предложения, и это дает нам право рассматривать все словосочетание как сказуемое. Однако, с другой стороны, лексическое значение глагола „не боялся" не допускает полного слияния с ним остальных элементов в одно смысловое целое. Наоборот, лексическое значение глагола требует расчлененного восприятия представлений: не боялся чего? — быть и казаться чувствительным. Дело в том, что глагол „не боялся" всегда требует строго определенного падежа — родительного удаления (ср. не боялся дождя, снега, смерти и т. п.). И это сознание родительного удаления, которому соответствует сочетание „быть и казаться чувствительным" и мешает нам воспринимать все элементы в их полном единстве, которое с полным правом можно было бы назвать многоэлементным составным сказуемым.

Какое же решение вопроса может приблизить нас к истине? Кажется, в подобных случаях спрягаемая форма глагола должна рассматриваться как простое сказуемое, а остальные элементы как второстепенные члены. Более определенные выводы можно сделать только после тщательного изучения большого количества фактического материала.

Отметим еще один тип сказуемых, в состав которых входит два полнозначных глагола, которые настолько сливаются друг с другом, что образуют одну синтаксическую единицу. Глаголы, образующие такое сказуемое, обязательно ставятся в одной грамматической форме.

Чаще всего они употребляются в форме повелительного наклонения:

Пойди скажи ему, что уже пора.
Сядь напиши ему письмо.

Могут быть в форме изъявительного наклонения:

Он пошел сказал ему.
Он сел написал ему письмо.

Могут быть в форме условного наклонения:

Ты пошел бы сказал.
Ты сел бы написал.

Частица „бы" обычно не повторяется.

Широкого распространения в общелитературном языке сказуемые этого типа пока не получили.

Таковы способы выражения составного сказуемого в современном русском языке.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

А. Т.—А. Н. Толстой
А. К. Т. —А. К. Толстой
А. Ап.—А. Апсолон
А. Ис.—А. Исаков
А Жар.—А. Жаров
А. Чурк.— А. Чуркин
Б. Тим.— Б. Тимофеев
В. Вин.— В. Винников
В. Г.— В. Гусев
Гог.— Н. В. Гоголь
Гриб.— А. С. Грибоедов
Гонч.— И. А. Гончаров
Грам. 1229— Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою и Готским берегом 1229 г.
Дост.— Ф. М. Достоевский
Дом.— Домострой
Держ — Г. Р. Державин
Е. Рыв.— Е. Рывина
Жук — В. А. Жуковский
Задон.— Задонщина
Карамз.— Н. М. Карамзин
Кот.—Котошихин
Кр.— И. С. Крылов
Л. Т.— Л. Н Толстой
Леск.—Н С. Лесков
Лом.— М. В. Ломоносов
Леб.-Кум.— В. Лебедев-Кумач
Летоп. 1377— Летопись по Лаврентьевскому списку 1377 г.
Лерм.— М. Ю. Лермонтов
Л. Дз.—Л. Дзержинский
М. Св.—М. Светлов
М Ин.—М. Инюшкин
М. Г.— М. Горький
Маяк.— В. В. Маяковский
Некр.— Н. А. Некрасов
Н. Остр.— Н. Островский
Н.-Пр.— А. С. Новиков-Прибой
О. Кол.—О. Колычев
Пот.— И. Н. Потапенко
П.— А. С. Пушкин
Перв.— А. Первенцев
С.-Щ.— Салтыков-Щедрин
Сум.— Сумароков
С. Ал.— С. Алымов
Сурк.— А. Сурков
Ст.— Вл. Ставский
С. Остр.— С. Островой
Сказ. о Б. и Г.— Сказание о Борисе и Глебе.
Тр.— Тредьяковский
Тург.— И. С. Тургенев
Усп.— Глеб Успенский
Фурм.— Д. Фурманов
Фонв.— М. А. Фонвизин
Френк.— И. Френкель
Черн.— Н. Г. Чернышевский
Чех.— А. П. Чехов
Шол.— М. Шолохов

Отв. редактор проф. *В. И. Рахинский.* Технический редактор *П. Гормай.*
Сдано в набор 1 августа 1940. Подписано к печати 17 сентября 1940 г.
Бумага 57x81 1/16. Уч.-изд. л. 6,75.
МА5584. 6 1/4 п. л. 44160. зн. в л. п. Заказ № 6198. Тираж 1000.

Краснодарская типография. Краснодар, Красноармейская, 39.

35434

Цена 10 р. 75 к.

22